

Анна Шведова

Пряжа из раскаленных углей

Золотошвейка

Анна Шведова

Пряжа из раскаленных углей

«Четыре четверти»

2017

Шведова А. Н.

Пряжа из раскаленных углей / А. Н. Шведова — «Четыре четверти», 2017 — (Золотошвейка)

ISBN 978-985-581-099-6

Иногда дорога домой бывает длинной. А иногда она становится еще и трудной дорогой к самой себе. Кассандра Тауриг не искала магического могущества, но оно само ее нашло, и с этим надо было учиться жить. Вот только наставником оказался далеко не бескорыстный человек...К чему привела доверчивость Кэсси – читайте продолжение истории, начало которой положено в романе «Золотошвейка».

ISBN 978-985-581-099-6

© Шведова А. Н., 2017
© Четыре четверти, 2017

Содержание

Предыстория, или что было раньше[1]	6
Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Анна Шведова

Пряжа из раскаленных углей

© Шведова А., 2017

© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2017

Предыстория, или что было раньше¹

Молодая золотошвейка Кассандра Тауриг нанимается на работу к магу, графу Хеду Ноилину, и тем самым запускает цепь событий, приведших ее на порог смерти. Там, на границе между живыми и мертвыми, некое человекообразное существо с птичьими чертами обманом заключает с девушкой сделку – жизнь в обмен на таинственный талисман, хранителем которого являлся Хед Ноилин. Однако по возвращении в свой мир Кэсси мало что помнит о договоренностях с Пернатой Хозяйкой и уж тем более не подозревает ничего дурного. Ей не до этого: она оказывается втянута в паутину чужих интриг, направленных на Ноилина, и принимает его сторону. Между тем ее усиливающиеся чувства к магу имеют и обратную сторону: Кэсси, воля которой подавлена Пернатой Хозяйкой, все ближе и ближе подбирается к талисману. В конце концов единственным препятствием, не позволяющим ей захватить талисман, оказывается сам Ноилин. Поэтому он должен быть убит.

Однако замыслу Пернатой Хозяйки не суждено сбыться. Сделав Кэсси своим послушным орудием, тем самым она неожиданно разбудила в девушке способность к магии, о которой не подозревала. Магии редкостного свойства, магии Плетущей.

С большего обуздав свой новоприобретенный магический дар, Кэсси сумела противостоять чужому давлению, а заодно и оградить талисман от посягательств. Ей удалось даже спасти Ноилину жизнь, но при этом она вынуждена расстаться со своей свободой. Следуя условиям сделки, Кэсси возвращается в Долину забвения к Пернатой Хозяйке, чтобы предложить ей свое вечное служение...

Вот только здесь ее ожидает не Пернатая Хозяйка, но существа, пришедшие призвать преступницу к ответу. Их милостью унижительная сделка аннулирована, Кэсси свободна и вольна отправиться куда угодно.

Одного она пока не понимает: из Долины забвения просто так не возвращаются...

¹ Читайте в книге «Золотошвейка».

Часть первая

Пробуждение

– О, сэр Гари! Это так мило с Вашей стороны! – вежливо сказала я, принимая безвкусный цветочный букет, обернутый дорогой шуршащей бумагой с полоской золотого тиснения поверху.

– Не стоит благодарностей, госпожа Никки, – с достоинством ответил молодой человек лет двадцати пяти приятной наружности. От моих слов он зарделся и походил на хорошо вышколенного пса, ожидающего похвалы в виде мозговой косточки, но не смеющего схватить ее без позволения.

– Вы очень любезны, сэр Гари, – от души сказала я и унесла букет куда подальше, ибо не переносила запаха лиловых шаров поздней осенней кломентры. На глазах у очарованного поклонника выбросить цветы у меня рука не поднялась, и я небрежно сунула их в широкую вазу, которая в последнее время крайне редко пустовала.

Сэр Гари придирчиво осмотрелся в поисках других букетов, после чего удовлетворенно закачался на каблуках безупречно сшитых дорогих ботинок и затеребил в руках роскошные тонкие перчатки.

– Э-э, госпожа Никки, – начал он тоном столь многообещающим, что я украдкой тихо вздохнула, – Вы подумали над моим предложением пойти на Осенний бал?

– О, сэр Гари! Ваше предложение столь лестно для меня..., – не удержавшись, молодой человек просиял и тут же нахмурился, услышав мою неуверенность в конце фразы, – Но накануне праздника я буду так занята, что не знаю, останутся ли у меня силы на бал!

– Но разве Вам самой нужно работать? – не сдержался и жалобно простонал расстроенный кавалер, – Разве у Вас мало работников?

– Боюсь, сэр Гари, в этом-то и проблема: чем больше работников, тем больше за ними приходится следить. Ах, да! Полагаю, для Вас это не очевидно, – я аккуратно расправила на витрине золотое шитье и чуть отодвинула в сторону лампу, чтобы ее свет выгоднее оттенял блеск драгоценного металла и мелких вкраплений бледноватой бирюзы, – Перед балом каждой уважающей себя женщине понадобится если не новое платье, то хотя бы новая шаль, шляпка или плащ. О, я вовсе не хочу сказать, что моя скромная золотошвейная мастерская может удовлетворить запросы всех модниц и модников города, э-э-э... я вообще не понимаю, почему она так популярна, мы ведь не шьем ничего особенного..., но перед праздниками у нас обычно прибавляется много срочной работы. Мои четыре мастерицы так бывают загружены шитьем, что мне приходится нанимать еще двух-трех, чтобы справиться. А еще приходится нанимать двух мальчиков-разносчиков, а мальчишки, как известно, редко бывают послушными, а еще девушку, чтобы помогать Лике за прилавком, когда в лавку приходит слишком много клиентов. А еще грузчика, который заодно следит за порядком и одним своим устрашающим видом утихомиривает порывы к скандалам. А еще...

– Да, я понял, – обреченно кивнул сэр Гари, сумев вставить фразу в мой нарочито напористый монолог, – У меня нет никакой надежды?

– Боюсь..., – мило улыбнулась я и развела руками, – Но не отчаивайтесь. У Вас еще есть время найти себе даму, куда более достойную Вашего внимания, чем я.

– Не говорите так, – молодой человек упрямо вздернул несколько мелковатый подбородок, – Если Вы не пойдете на Осенний бал, то и я не пойду.

– Меня это искренне огорчит, сэр Гари. Не стоит отказываться от радостей жизни из-за одного неприятного стечения обстоятельств.

Губы у молодого человека обреченно дрогнули, черные приглаженные усики вспорхнули вверх, но он мужественно откланялся и вышел. Я с облегчением вздохнула.

Сэр Гари, как я предполагала, был примерно моим ровесником, но рядом с ним я всегда казалась себе тетушкой, хлопочущей о дражайшем юном племяннике, или старшей сестрицей, назначенной ему опекуном. И как бы меня ни убеждали, что третий сын самого Лорда-распорядителя императорскими конюшнями Говарда Хнора для обычной владелицы обычной золотшвейной лавки весьма выгодная партия, я скромно оставалась при своем мнении.

Сэр Гари появился в моей лавке несколько месяцев назад, в разгар лета, легкого батиста, расписных лент и изящной шелковой вышивки, не утяжеляющей ткань. На нашей узкой и извилистой Песчаной улице, нижние этажи домов которой сплошь состоят из лавок, лавчонок, магазинчиков, булочных и чайных, знатные всадники, с высоты своего положения величаво вззирающие на копошение торгово-покупающего городского люда, совсем не редкость, однако появление роскошной открытой коляски, запряженной двумя чистокровными рысаками, произвело немалый переполох. Бедные животные испуганно шархались из стороны в сторону не столько из-за огромных цветочных горшков, выставленных прямо на дорогу, или крохотных собачонок, громко возмущавшихся таким нахальством, сколько повинувшись не слишком умелым действиям вспотевшего возчика – модно и дорого одетого молодого человека явно знатного происхождения. Стоявший позади коляски грум молодого господина сдерживал пытающиеся вырваться из его сведенных бульдожьих челюстей неприличные слова с поразительной выдержкой, но выпученные глаза красноречиво говорили сами за себя. Суматохи добавляло и то, что на шум из лавок выходили и даже выбегали люди – посмотреть, не началась ли война, – оттого лошади еще больше нервничали, а молодой господин – дергался еще сильнее и невпопад натягивал поводья. Как и следовало ожидать, в конце концов коляска зацепилась за одну из ажурных железных решеток высокого крыльца одного из домов и встала намертво.

Основательно застряв, но не желая упасть в грязь лицом, молодой человек спешно соскочил с передка, оставив коляску в руках угрюмого слуги, и сделал вид, что остановка в этом месте как раз и соответствовала его планам. Не обращая ни малейшего внимания на приоткрытые рты, сдавленное хихиканье и прочие нелицеприятные жесты, молодой господин прошелся по улице прогулочным шагом, с воодушевлением заглядывая в витрины и подбадривая себя время от времени фразой «Очень хорошо! Просто пр-релестно!». Потом он надолго остановился у мольберта художника, живописного юноши с вплетенными в его длинные белокурые волосы лентами, который с чего-то надумал вдруг рисовать городской пейзаж с видом на мою лавку «Занятная безделица» (а я подозревала, что причиной его интереса был вовсе не изумительной красоты облупившийся бок соседнего дома, а юная рыжеволосая Ликанея, стоявшая у меня за прилавком). Что привлекло молодого владельца коляски – сказать затрудняюсь, но он вошел в лавку. Так я познакомилась с сэром Гари Моллет Хнором, третьим сыном Лорда-распорядителя императорскими конюшнями, и с тех пор моя жизнь обрела вид нескончаемой оранжереи.

– Это был сэр Гари? Он уже ушел? – сдавленно хихикнула Ликанея, когда дверь за молодым человеком с привычным грохотом захлопнулась, – Он еще не сделал тебе предложения?

– Сэр Гари был так добр, что пригласил меня на Осенний бал, – чопорно ответила я, – Это, осмелюсь заметить, очень выгодное предложение.

– На бал? С ним? Надеюсь, ты отказала?

– Да, – печально вздохнула я, – И, боюсь, в этот знаменательный день мне придется коротать вечер в полном, отчаянном одиночестве и тоскливо взирать на шумные толпы празднующих людей из глубины запертой и темной лавки.

– Бр-р-р, – передернула хорошенькими плечами Лика, а рыжие кудряшки ее весело встрепенулись наперекор мнению хозяйки, – Когда ты так говоришь, даже мне становится тоскливо. Хочешь, пойдём с нами?

– Нет, – я весело и беззаботно рассмеялась, – Я с удовольствием пораньше закрою лавку, возьму книгу и проведу восхитительный вечер. В тишине и спокойствии, без суматохи, спешки и в полном, восхитительно одиноком одиночестве!

Ликанея широко распахнула прелестные очи, обрамленные щедро накрашенными ресницами, и изумленно покачала головой.

– Иногда я совсем не могу тебя понять. После двух недель Йердаса тебе захочется остаться дома, когда все празднуют? Ты же не такая! Не бука какая-нибудь! Ты же любишь веселиться! А кавалеры? Ну, сэр Гари – это я понимаю. Он богатый и знатный, но, честно говоря, слегка чокнутый. А Русси? Он такой солидный... Или Фельен? Только не говори, что он приходит ко мне, он всегда только на тебя пялится! Или даже Рори... Хотя говорят, что он мошенник, Рори все-таки душка! А ты всегда одна, ни в кого не влюблена, ни с кем не встречаешься. Смотри, не упусти свое счастье, а то останешься старой..., – и тут Лика прикусила язычок, поняв, что зашла слишком далеко.

– Не знаю, Лика, не знаю, – беспечно рассмеялась я, – Может, я еще не встретила свое счастье. Может, уже встречала, да потеряла. А может, мне не суждено встретить его никогда. Так что когда сэр Гари сделает мне предложение руки и сердца, я непременно его приму! Лучшей партии мне явно не сыскать!

Лика с возмущением всплеснула руками, а я расхохоталась.

На самом деле веселиться мне не хотелось, хотя у меня и не было особых причин для печали. Я не бедствовала, у меня водились деньги, по меркам Песчаной улицы весьма приличные, я не была ни уродлива, ни увечна, ни неприспособленна. Не обделена мужским вниманием, которого не искала, пользовалась уважением соседей, к которым питала только искреннюю благодарность за помощь и поддержку, жила в ладах с законом и с представителями власти дела не имела. Чего же мне недоставало, спросите вы? О, самой малости!

Единственное, чего я страстно хотела – узнать, кто я.

Все началось ровно два года назад, примерно в эти же самые осенние дни, после долгого Йердаса и бурного Осеннего бала, когда я очнулась, лежа прямо посреди неизвестной улицы неизвестного мне города. Мои глаза смотрели вверх, в крошечный проем между смыкающимися домами, в хмурое, затянутое тучами небо, но неба разглядеть мне тогда так и не довелось. Его полностью закрывали две обширные, добротные, порядком возбужденные физиономии.

– Милочка, ты не ушиблась? – спросила скуластая женщина с двойным подбородком и чрезвычайно подвижными пшеничными бровями. Ее толстые красные щеки так усердно подпирали маленькие глазки, что от тех остались лишь узенькие щелочки. Из-под обширного белоснежного чепца, обрамленного кружевами с локоть длиной, выбивались седовато-рыжие пряди.

– Ну ты и хряпнулась, дорогуша, – добродушно пробасил дородный бородатый мужчина с сочными, яркими губами меж рыжеватой порослью, – С головой-то все в порядке?

– О, не беспокойтесь. Была бы голова, а порядок какой-никакой найдется, – пробормотала я, вставая, но, как оказалось, и два года спустя порядок в моей голове напрочь отсутствовал. Я не знала ни своего имени, ни откуда я родом, ни вообще, кто я такая.

Не знаю, что бы со мной было, не упади я прямо на грязную мостовую перед носом у сердобольной Дороты, кухарки, шедшей на рынок за свежей зеленью, и ее приятеля, известного пивовара Вархиса, прибывшего в город насчет кое-каких поставок своего бесценного продукта. Они так требовательно возвестили всему миру о внезапном недомогании бедной девушки, что несший деревянные чушки мужичонка с испугу присел и рассыпал поленья, а худосочная лоточница вытаращила глаза и задаром протянула кувшинчик с кисловатым мутным напитком.

Свое покровительство Дорота не оставила и после того, как я пришла в себя, благо для этого были причины – я так мучительно пыталась понять, что со мной произошло и происходит, кто эти люди и где я нахожусь, что кухарка прослезилась от жалости и еще долго шумно сморкалась в батистовый платок таких размеров, что вполне подошел бы мне в качестве шали. Признаться, доброта Дороты оказалась столь же необъятной, как и ее необъятные телеса. Она не побоялась привести в свой дом совершенно незнакомую девушку, подобранную ею в прямом смысле на улице. И она не побоялась заявить соседям о том, что ручается за ее порядочность.

– Не сомневайся, милочка, – говаривала она, когда очередной слух о моей злосчастной персоне достигал ушей добропорядочных граждан Песчаной улицы, – Я в людях разбираюсь ого как! Я с первого взгляда признаю, кто чего стоит, а ты – девушка порядочная, скромная и благоразумная. Тебе незачем беспокоиться – они поболтают и перестанут.

Лишь однажды, много дней спустя Дорота призналась, что ее первый взгляд пал отнюдь не на мое благоразумие, а на добротную юбку из серой тонкой шерсти, со складками и искусной каймой зелено-коричневого узора исключительно добропорядочного вида, а еще на мой безупречно сшитый лиф, открытый ровно настолько, чтобы не слыть вызывающим, а еще на широкие рукава тонкой белой рубахи поразительной чистоты и свежести. Дорота даже и помыслить не могла бы, чтобы у девушки из неприличной семьи хватило бы вкуса одеться так элегантно и весьма недешево. Про девиц другого толка кухарка и слышать не хотела.

Что ж, мой наряд был откровением и для меня самой и вызывал не меньше вопросов, чем ответов. Выходит, я здешняя, раз оделась в точь по местной моде? К тому же разглядев одежду как следует и внимательней, я сделала открытие, немало меня потрясшее и порадовавшее, но добавившее вопросов еще больше: на внутренней стороне пояса юбки располагался внушительный карманчик для ценностей, где я обнаружила прелестный бархатный кошель, туго набитый золотыми дукатами. О таком богатстве я не могла и помыслить, но это, как оказалось, было не последним сюрпризом моего наряда. Тщательно скрытая узенькая полость рядом со швом лифа оказалась доверху набита небольшими красными камешками, словно стручок горошинами. Это были рубины, я поняла это сразу, и один тот факт, что я умею неплохо разбираться в драгоценных камнях, заставил меня окончательно растеряться. Да кто же я такая?

К чести жителей Песчаной улицы, на которой с легкой руки Дороты я стала жить, мое неожиданное и непомерное в здешних местах богатство глаза им не застило. Они не один день придирчиво и скрупулезно решали, достаточно ли девица благовоспитанна и порядочна, чтобы стать одной из них и поселиться здесь. И это не покажется странным, если учесть, что собой представляет эта самая Песчаная улица. Песка на ней давно уж не видали, разве что в многочисленных цветочных горшках, ибо была она добротной замощена светло-серым камнем и содержалась в поразительной чистоте. И чрезмерно длинной, как, скажем, Гадючий хвост или Рыбий хребет, она тоже не была. Особая статья Песчаной улицы с примыкающими к ней тремя проулками, множеством закрытых двориков и одной площадью, которая в просторечии звалась Хлястиком, была в том, что она стояла на границе двух миров. Разумеется, не подлежит сомнению тот факт, что мир знати славного города Вельма не способен смешаться с миром черни, но всегда существует эдакая тонкая полосочка, вбирающая в себя чуток с одной и с другой стороны. Нравы на Песчаной улице всегда были слегка попроще, чем у знатных господ, не столь манерны и изысканны, зато куда добропорядочнее тех, что царят среди городской голытьбы, как нередко спешили заметить сами жители Песчанки. Близкое соседство (если, само собой разумеется, не брать в расчет заносчивую Монетку, три квартала которой занимали банкиры средней руки и богатые торговцы, но с ними у жителей Песчанки отношения были весьма натянутые) знаменитой Адмиралтейской площади с ее великолепными фонтанами, статуями и Триумфальной колоннадой, Морского бульвара с его богатыми магазинами и роскошных Жемчужных холмов, где располагались дома лишь самых богатых и знатных людей империи, позволяло Песчаной улице быть на хорошем счету и считаться исключительно безопасной,

чего не скажешь о районах, лежавших восточнее от нее и имевших дурную славу: ежели на их улицах был замечен некто прилично одетый и в меру знатный, считалось, что господин просто немудро ищет острых ощущений на свою голову, кошелек и прочие наличные ценности.

Соседство с Громыхалкой, Лудильней и Конюшенным Извозом жители Песчанки воспринимали как неизбежное зло, с помощью которого они сами могли утвердиться в собственной добропорядочности, и особенно это относилось к шумному и грязному Воробьиному рынку, куда им приходилось время от времени наведываться. Нет, благополучная Песчаная улица, сплошь заставленная добротными магазинчиками и аккуратными лавочками, никоим образом не сравнивала себя с Воробьиным рынком, где торговец торговцу рознь, а иные не утруждают себя даже мало-мальски приличным навесом над головой, чего уж говорить о честности. Песчанка была выше этого, и уж тем более она далека от того, что лежало севернее и ниже рынка – портовые доки и совсем уж опасные для приличного человека кварталы с его борделями, грязными тавернами, моряцкими потасовками и драками, и там приличному человеку нельзя было даже и появляться.

Жители Песчаной улицы искренне гордились чистотой и порядком, но куда больше – своим благополучием, добропорядочностью и честностью. Кого попало в свои ряды они принимать не спешили. Они крепко стояли на своих ногах и зорко приглядывались к тем, кто мог нарушить годами установленный строгий порядок жизни. Посему нет нужды говорить, какому тщательному изучению и отбору подверглась я, девушка без имени и мало-мальски разумных объяснений, найденная словно брошенный котенок на подступах к малоприличному Воробьиному рынку. От меня так и разило Ужасной Тайной, от которой рукой подать до Страшного Преступления, а уж чего-чего, а скандала жители Песчанки никак не могли себе позволить.

Не знаю, почему меня в конце концов приняли. То ли благодаря искреннему заступничеству Дороты и ее мужа, умело содержавших небольшую чистенькую харчевню на стыке Песчаной и Клетушки, а то ли из-за необъяснимой благосклонности ко мне достопочтенного Габеаса Руппы, ушедшего на покой оружейника Императорской военной палаты и негласного головы Песчаной улицы и ее окрестностей. В один из первых же дней моего появления в Вельме Дорота представила меня достопочтенному Габеасу со словами, сказанными громким свистящим шепотом прямо ему на ухо так, что не услышать было невозможно:

– Попомни мое слово, Габеас, она не какая-нибудь финтифлюшка! Как пить дать дворянских корней! Ты слышал, как она говорит? Такому на Конюшенном Извозе, крутя кобылам хвосты, не научишься!

До сего момента я и не знала, как говорю, а потому была слегка озадачена. Разъяснения я получила позже: речь моя, как оказалось, была слишком правильной, грамотной и чистой для Воробьиного рынка, она была излишне книжной даже для Песчанки, но вот насчет Жемчужных холмов, тут достопочтенный Габеас засомневался. Что-то среднее, твердо сказал он. Потом свои соображения он подтвердил, когда изучал красивый, но явно не новый кошель, в котором я нашла дукаты. На чуть потертой бархатной поверхности кошеля был вышит некий заковыристый мудреный вензель, в котором особо дотошные разглядели буквы то ли «М» и «С», то ли «Д» и «А», а то ли «Н» и «В». Впрочем, никто понять так и не смог, как никем не был узан и другой символ – силуэт крылатого человека – вышитый ниже. Даже достопочтенный Габеас, а ведь он слыл знатоком геральдики, ибо нельзя таковым не быть оружейнику Императорской военной палаты, не смог толком определить, к какому знатному Дому Дарвазеи относится вензель, однако в душе склонялся к кому, что сей знак вообще не из Внутренней Империи (Дарвазейская империя, как мне было снисходительно объяснено, бывает еще Верхней, предгорной, а еще имеет Внешние Колонии, расположенные на архипелаге Уденед и островах Своб – названия для меня ничуть не бывшие понятнее, чем обозначения звезд на небе), а кое-кого подальше, ... и тут его фантазия давала сбой. Представить, что вне Внутрен-

ней Империи живут такие же люди с такими же проблемами и потребностями, желаниями и настроениями, он никак не мог, а потому был сильно за меня обеспокоен.

Ничего не дало изучение золотых монет – они были старыми, чеканка на них заметно стерлась, однако никто не смог признать в профиле носатого человека в короне не только нынешнего Императора Адрадора, а и его отца и даже деда. Монеты явно были чужими, но однако ж и не Фотейскими, и не Усафскими, и вообще никто ничего подобного не видал... Или рубинов: клейма ювелира на них так и не нашли. Или единственного украшения, бывшего у меня – неброского золотого колечка в виде цветка с зеленым камушком в сердцевинке. Колечко так и льнуло к моим пальцам, я любила его ласкать и им любоваться, и оно было единственной вещью, соприкосновение к которой будило хоть какой-либо отклик в моей потерявшейся душе: смутное ощущение того, что для меня это не просто украшение, но бесценный подарок дорогого мне человека. Увы, в моем нынешнем положении – неизвестного мне человека.

Да уж, мое появление на Песчанке произвело немало волнения, что, в свою очередь, дало волю буйной народной фантазии. В версиях людей постарше обычно я слыла незаконнорожденной дочерью какого-то лорда, давшего мне неплохое образование и до недавнего времени без усилий содержавшего меня вдали от собственного Дома. Предполагалось, что однажды меня решили отправить в другое место, по дороге я заболела и потеряла память. А потом потерялась и сама. Или что-то в этом роде.

В версиях куда более склонной к авантюризму молодежи чаще всего я была наследницей некоего отдаленного, но весьма богатого Дома, которую собирались насильно выдать замуж и которая удачно (сравнительно) сбежала... но потеряла память и со своим возлюбленным, готовившим побег, так и не встретилась. Или которая подпала под чары алчных и завистливых родственников, например, мачехи... Или просто поехала покататься, была похищена (при этом явно сильно ударившись головой), но потом освобождена доблестным рыцарем (почему рыцарь бросил ее на Воробьином рынке, об этом, конечно же, додумывать не успевали)...

Кое-кто из особо завистливых тайком придумывал и то, что неспроста при мне оказались все эти денежки: а ну как девица вовсе не из знати, а сама хозяйку (хозяина) обобрала да с этими денежками-то и скрылась. И вовсе память она не теряла, а прячется здесь, чтобы никто ее не нашел, и надо бы в Имперский Сыск заявить – вдруг беглянку ищут. Надо сказать, обвинение было не шуточным, мне и самой подобное в голову приходило – ведь объяснение золотым дукатам и рубинам искать надо, не сами же собой они народились как лягушки в пруду. В то, что я кого-то могу обокрасть, самой не верилось, не воровка я, не верю, однако всяко бывает, ну а вдруг деньги и впрямь чужие? Вдруг мне кто-то дал их на хранение (признаться, хиловатого охранничка же он себе нашел!) или я должна была их кому-то доставить, кому-то, очень сильно нуждающемуся в них? Увы! Я ничего не могла поделать! Память моя была пуста как колодец в жаркое лето и столь же правдива как бестолковое эхо. Я ничего не помнила до того момента, как очнулась на Воробьином рынке, а смутные обрывки ощущений и образов, иногда приходящие и уходящие сны ничего определенного не давали. Все придет в свое время, само собой и постепенно, радостно сообщил мне сосед-медикус Мади Клор, ибо в таком деле не стоит торопиться. Я бы и не торопилась, ну а вдруг, как я и вправду преступница? Вдруг за потерей памяти скрывается нечто ужасное? Вдруг добрые люди, приютившие меня в Песчанке, поплотятся за то, что пригрели на груди змею?

Достопочтенный Габеас Руппа, относившийся ко мне по-отечески снисходительно, казалось, моих опасений не разделял, но во избежание недоразумений решил кое-что проверить. По старой памяти он упрямил знакомого из Имперского Сыска разузнать, что можно, о девице лет двадцати – двадцати трех, исчезнувшей из дому, или о похищенных рубинах... Не официально, разумеется, а так, по старой дружбе, чтобы в случае чего скандал деликатно свести на нет. Но когда и год спустя след моего происхождения так и не был найден, никто не спохватился заявить о похищенных драгоценностях, а скандал над благочестивой Песчанкой так и

не разразился, Габеас Руппа окончательно успокоился и посоветовал мне следовать рекомендациям не ахти какого, но все же своего, местного, лекаря Мади Клора.

Так я и осталась на Песчаной улице. Окутанная тайнами, вызывающая завистливый шепоток или жалостливые взгляды, но принятая как равная. А это, между прочим, совсем не мало, когда у тебя нет ничего из прошлого. Даже имени.

Кстати, имя мне тоже выбирали всей улицей. Назвали меня Николестрой, правда, чаще меня звали просто Никки. Как я скоро узнала, николестрой здесь называли роскошный куст с продолговатыми темными, будто глянцевыми листьями и крупными, собранными в гроздь золотистыми ягодами, очень терпкими и кислыми, зато весьма ценными знающими людьми: рачительные хозяйки хорошо знали – николестра вкусна только после хороших заморозков. Вымороженная ягода становилась полупрозрачной, будто наполненной медом, и сладкой, но терпкости и приятной кислинки не теряла, оттого в начале зимы самым вкусным лакомством становились пышные пироги из ароматной золотистой ягоды.

Не думаю, что из меня собирались варить варенье или готовить пироги. Полагаю, Николестрой меня назвали совсем по другой причине. Именно в день святой Николестры, покровительницы путешественников и странников, я была столь удачно обнаружена на мостовой у Воробьиного рынка, посему благочестивые жители Песчанки и решили, что носить мне ее имя в знак особого ко мне расположения. Мне было все равно. В моей бедной головушке не было ни малейшего отклика ни на одно из сотен женских имен, которые несколько вечеров подряд вслух зачитывала из месяцеслова Ликанея, юная племянница Дороты, так что выбор чего-то определенного ничего не стоил. Никки так Никки, это ничуть не хуже какой-нибудь Мартимянны, Клоринды или Лавестулы.

Поскольку я слыла девицей зажиточной, подыскать мне жилище труда не составило. Достопочтенный Габеас лично принял в этом участие, однако моим выбором, признаться, остался не совсем доволен. Я отклонила его весьма выгодное предложение поселиться у добродородной матроны улицы – вдовы господина Имперского советника Дендуса Кокро, дабы находиться под ее неофициальным покровительством: вдова имела связи при дворе и при случае могла оказать мне неоценимую поддержку при выходе в свет. Сей выгодный вариант для меня чрезвычайно хорош, учтиво объяснила я, однако пока с меня окончательно не сняты подозрения в том, что я могу быть замешана в некий скандал, не стоит бросать тень на ничем не запятнанную себя почтенную вдову. Да-да, озабоченно закивал Габеас Руппа, ты совершенно права, милая, ты удивительно благоразумная девушка...

Поэтому-то я, вежливо отклонив чужие советы, и купила выдавший виды дом, втиснутый между цветочной лавкой госпожи Финеллы и булочной старого Ишваса Шмакера, прозванного Коврижкой. Дом ничего хорошего из себя не представлял: старый, обветренный, неухоженный, он давно вызывал недовольство благочестивых жителей Песчанки своим раздражающим внешним видом, бросающим вызов опрятным соседям, и все же в нем было одно бесспорное достоинство. На нижнем этаже дома была лавка, столь же заброшенная и захлавленная, как и остальные помещения; а за лавкой – три просторные кладовые, подвал и небольшой внутренний дворик. Не знаю почему, но именно расположение комнат меня привлекло – оно как будто было мне знакомо. Даже впервые зайдя в дом, я уже знала, чего хочу: вот здесь будет лавка, в той большой кладовой, если открыть забитые фанерой окна – мастерская, дальше – небольшая комнатка для меня, и еще маленькая кладовая, где чинно лежат отрезки ткани, нитки, мотки шнуров... Нитки... ткани... пяльцы... Странные, расплывчатые образы всего этого преследовали меня с того самого первого шага, как я вошла в этот запущенный, захлавленный дом; оттого я с трудом слушала объяснения невысокого щуплого стряпчего, с восторгом описывающего мне сомнительные прелести заброшенного помещения. Я уже знала, что куплю его, но никак не могла понять зачем и почему. Откуда во мне эта странная любовь к ниткам-иголкам?

Почему такое странное волнение ощущаю я, поглаживая ребристую выпуклость шнура? Что скрывает моя память?

Довольно скоро обнаружилось, что я умею прекрасно шить и еще лучше – вышивать, что обладаю неплохим вкусом и легко придумываю новые украшения и наряды. Я наверняка занималась этим раньше и несомненная уверенность в том, что работа с вышивкой мне не чужда, убедила меня в намерении открыть золотошвейную мастерскую. Однако окончательно решение я приняла лишь после того, как разобралась с хламом, оставшимся мне в наследство от прежнего хозяина.

Поначалу я была совершенно уверена, что купила лавку старьевщика – уж больно много здесь было старых, потертых, сломанных вещей, которых не всякая хозяйка позволит даже внести в дом. А узнать было не у кого – старый хозяин лавки умер (лавку-то потому и продали), а его благополучные отпрыски, с видимым разочарованием пришедшие взглянуть на убогое наследство, отдали нажитое дедом «добро» чуть ли не задаром, не задавая излишних вопросов и не зная, что отвечать на заданные. Разбираться пришлось самой. Проще всего было бы просто выкинуть это старье на свалку или продать старьевщикам – ничего из того, что стояло на полках, лежало в ящиках на полу и в больших плетенных коробах, по всеобщему мнению, особой ценности не имело. Много позже, освобождая от хлама забитую доверху кладовую и задний двор, я порадовалась, что не выкинула все это сразу же, как и предлагал стряпчий, распорядившийся имуществом умершего владельца лавки. Среди вещей старого хозяина я нашла много интересного и забавного, большей частью разбитого и мне непонятного. Но очень интриговавшего меня. Что означал, к примеру, резной кости ажурный куб, внутри которого болтались куски такого же вида шара? Или обломок деревяшки, не то полозок санок, не то кусок трости, поверхность которого была гладкой и холодной, как полированный камень, а знаки, вырезанные в желобке, идущем вдоль палки, никто прочесть не сумел. Или громоздкое каменное кольцо, перекрученное изнутри резьбой так, что ни один человеческий палец его не удержит. Или... О, там много чего было. После долгих поисков, отмывания и чистки среди бесспорно непонятной ерунды нашлись изящные костяные статуэтки, искусной резьбы гребни и гребешки, ожерелья, сплетенные из тонких нитей странного металла, каменные подвески... Украшения не были ни модными, ни дорогими: кое-где кость была сломана, а камень – треснувшим, металл оставался довольно тусклым, сколько бы я ни чистила его, однако в этих вещах было нечто не менее ценное для меня – история. Даже прикосновение к некоторым из них будило во мне необъяснимое волнение, словно я ощущала отзвуки давно забытых событий, с которыми эти вещи неразрывно связаны. Кто носил эту странную подвеску с оправленным в серебряную сеть куском горного хрусталя – будто чье-то ледяное сердце в клетке? Чьи волосы держались длинными когтями крылатой костяной змеи с хитрыми глазками из крохотных рубинов? Какую руку опоясывал этот тяжелый – и, следует признать, очень неудобный – браслет из скованных попарно металлических ромбов? Украшения были старинными, странными и притягивающими мое внимание словно магнитом. В конце концов я выложила некоторые из них на витрину, прекрасно понимая, что рядом с моими украшениями – изящными цветками из шелка, бархата и золотой вышивки, ожерельями из плетеного бисера и бусин, вышитыми серебром поясами, – они смотрятся золотыми дукатами рядом с дешевой медью, пусть истертыми тысячами пальцев, пусть истонченными сотнями лет, но остающимися золотыми, несмотря ни на что. Да, именно все эти вещи и дали название моей лавке «Занятная безделица» – название не Бог весть какое мудреное, зато легко узнаваемое среди прочих.

О прежнем хозяине моей лавки я знала не многое. Его не слишком-то любили на Песчаной улице, скорее просто терпели за древностью лет. Да и потомки тоже не жаловали, как мне было известно. Увы, кончиной старика не многие опечалились, а некоторых она даже порадовала и уж точно некоторым позволила вздохнуть с облегчением. В общем, горевали о нем недолго. И для меня он вроде был никем. Но все-таки я не могла бы сказать, что для меня

он ничего не значил. В каждой досочке старых стен и полов, в каждой вещичке, то ли выставленной на продажу, то ли выброшенной за ненадобностью, я ощущала присутствие старого хозяина. Человек он был странный, мало заботившийся о соблюдении внешних приличий и порядка, наверняка нелюдимый и не слишком вежливый, но без сомнений неординарный.

Что ж, за неимением других о его памяти пока могла позаботиться и я. Для начала я перенесла «добро» прежнего хозяина в переполненную кладовую, намереваясь заняться им попозже. Лавка срочно требовала ремонта – пол скрипел и пружинил, свидетельствуя о явной гнилости древних досок, стены облупились и давно потеряли цвет, став неопрятно серыми, с потолка свисали давно не чищенные медные свечные светильники и охалки липкой черной паутины. Еще неприглядней все это показалось, когда нанятые мною работники отодрали старые трухлявые доски, которыми были забиты витрины, и впустили внутрь дневной свет.

Еще мне пришлось изрядно потрудиться, чтобы привести в порядок жилые комнаты наверху. Крохотные грязные клетушки на втором этаже, отделенные друг от друга тонкими, хлипкими перегородками, превратились в две просторные комнаты. На третьем этаже, точнее, в мансарде, комнаты мне были пока без надобности, и я оставила их на потом. Уже к весне на добротнотремонтированных стенах второго этажа радовали глаз новый серо-голубой ситчик, ольховые панели и два аккуратных городских пейзажа в рамках – подарок молодого художника, частенько останавливающегося на мостовой у моей лавки со своим мольбертом и пучком кистей. Вид здесь, как он объяснял, исключительно красивый.

Новая мебель, новые книги, неуловимый уют места, созданного только по собственному вкусу, – я быстро привыкла к своему новому жилью и была им довольна.

Когда весной я открыла лавку вновь, никто не верил в ее успех. Старая вывеска, столь облупившаяся, что буквы на ней различить было невозможно, сменилась новой, яркой и красочной. Я выложила некоторые вещи прежнего хозяина на витрину, но торговать собиралась вовсе не ими. Точнее, не только ими. Пока шел ремонт, я делала цветы из шелка и недорогих бусин, наскоро вышила несколько шалей, поясов и кошельков. Этого оказалось достаточно для начала дела.

Через полгода в мастерской работали две мастерицы, через год – четыре. От заказов не было отбою, от покупателей и праздных зевак – тоже. На стенах, выкрашенных в нежный зеленый цвет, теперь висели затянутые в тонкие белые рамки образцы – вышитые цветы и птицы, бабочки и звери, узоры, вензеля и монограммы, вдоль стен на бесчисленных полках, до сих пор тонко пахнущих свежеспиленным деревом, или на маленьких аккуратных столиках стояли те самые безделушки – заколки для волос, букетики и веночки из искусственных цветов, крохотные вазочки, медные зверушки, стеклянные бусины немислимых расцветок и размеров и прочее, прочее, прочее, – давшие имя моей лавке.

Что ж, я была довольна. Хозяйку процветающего заведения уважали, ни в какие скандалы я не была замешана, дела шли хорошо, а что еще надо? Мрачные мысли и потуги отыскать нечто стоящее в недрах собственной памяти я гнала прочь до поры до времени, и если бы они сами иногда не накатывали на меня, я могла бы считать себя вполне счастливой. Иногда, удаляясь в свою небольшую рабочую комнатку, находившуюся позади мастерской, я ловила себя на странной беспокойной мысли, что подобное где-то уже было. Что и лавка, и вышивки, и стройные ряды катушек, и аккуратно сложенные друг на друга пяльцы, и даже эта самая маленькая комнатка позади мастерской были мне неуловимо знакомы. Я всматривалась в них, будто могла увидеть то, о чем не могла вспомнить, до болезненного мельтешения в глазах, до головокружения, когда кажется, что взгляд вот-вот ухватится за нечто неуловимое..., но лавка оставалась лавкой, а я – неизвестно откуда пришедшей Николестрой, девушкой без имени и без прошлого. Память отказывала мне, но раз за разом я пыталась дойти умом до того, что спрятано в ее глубинах. И безрезультатно.

Так шел день за днем, тихий, мирный и спокойный...

И однажды это безмятежное существование закончилось. Правда, когда в мою лавку зашел неожиданный посетитель, а я не стала выпроваживать его (а надо бы, потому что было уже слишком поздно, «я закрываюсь и вам лучше зайти завтра»), я еще не знала, что с этих самых пор жизнь моя круто переменялась.

Это были дни перед Йердасом, который, как известно, начинался внезапно в один из последних осенних дней и длился около двух недель. А сразу после Йердаса, как тоже всем было известно, воспрявшие духом жители приморских провинций Дарвазеи устраивали известные на всю империю Осенние балы, на которых, разумеется, никак не обойтись без новых нарядов. Поскольку во время Йердаса вся жизнь в городе почти полностью замирала, подготовку к Осеннему – который, строго говоря, следовало бы назвать Зимним – балу следовало завершить еще до осенних ветров. Для нас, швей и вышивальщиц, это было самое трудное и напряженное время в году. Стараясь успеть удовлетворить все запросы, мы начинали работать затемно и заканчивали при свете ламп. Иной раз мои мастерицы уходили домой около полуночи, чтобы вернуться в мастерскую задолго до рассвета...

Вот и в тот вечер часы на городской башне пробили десять, когда ушли Дирна и Ната, и я закрыла за ними дверь.

Позднего покупателя я, разумеется, не ждала, а посетитель, как оказалось, не ожидал увидеть меня.

– Э-э-э... о-о-о, – растерянно протянул невысокий щуплый старичок в порядком поношенном растрепанном плаще и с тростью в руке, – Что ЭТО?

Его старая и потертая черная трость, расщепленная вдоль древка и неумело перевязанная замызганной бечевкой, вдруг взметнулась по сторонам и вверх, сделав полный круг, а потом затряслась как в лихорадке. Громко поцокав языком и пробурчав что-то гневно-нелицеприятное себе под нос, незнакомец развернулся и стремительно пошел к двери, протянув руку к ручке. Но дверь так и не открыл и не ушел. Растерянно покрутился на месте, оглядываясь по сторонам, гневно и смешно притопывая и вытягивая худую шею. Несколько минут я наблюдала за его странной пляской, сопровождаемой бурным жестикулированием и неслышными ругательствами. Тонкие белесые волосы на голове старика взъерошились, встали торчком, усы встопорщились как у рассерженного кота... Наконец он остановился. Развернулся.

– Как я понимаю, старый Коб сыграл в ящик? – у старика под стать волосам были белесые ресницы, из-под мохнатых светлых бровей посверкивали блеклые не то голубые, не то зеленые глаза. Тонкий, невообразимо острый нос, в незапамятные времена свернутый набок, да так там и оставшийся. Губы, больше напоминающие щель под жесткой одежной щеткой неопределенного белесого цвета. Обтянутые будто пергаментом острые скулы и столь же острый подбородок. Но в глазах горел огонь, а пальцы цепко сжимали старую трость.

– Боюсь, это так, – сдержанно ответила я, рассматривая старика с безопасного для моего спокойствия расстояния и прикидывая, понадобится ли мне палка, которую я держала под прилавком на всякий случай. В лавке после ухода моих мастериц я оставалась совсем одна.

– Вот мерзавец, – обреченно вздохнул незнакомец, – И нашел же время!

– Разве мы вольны выбирать для себя время? – не сдержавшись, хмыкнула я. Покойный хозяин лавки за эти два года стал для меня чем-то вроде умершего родственника, о памяти которого я заботилась и невольно защищала его. Ведь больше у меня никого не было.

– Выбирать, барышня? – чуть улыбнулся странный посетитель, а глаза его насмешливо оглядели меня сверху донизу, – Еще как вольны. Мы выбираем ежедневно, ежеминутно, ежесекундно. Выбираем каждый шаг, каждое слово. Иногда за нас это делает то, что глубоко внутри нас и вложено не нами, но мы вольны выбирать сознательно. Разве не это есть отличительный признак человека? Разве не выбор определяет, кто мы есть? Разве не то, что мы выбираем, свидетельствует о складе нашей души?

Таких слов от посетителя я не ожидала и с невольным уважением покивала головой. Однако усомнилась.

– Но как можно выбрать свой последний миг?

– Всей своей жизнью, барышня, всей своей жизнью. Единожды сделав выбор, мы отдаем предпочтение одной дороге и отвергаем другую. Вернуться, увы, нельзя. И переиграть тоже. Один раз и навсегда. И чем дальше мы идем сообразно своему выбору, тем больше отвергнутых дорог оставляем за своей спиной и тем уже, прямее и неотвратимее становится наш путь. В конце концов остается не так уж много возможностей, чтобы свернуть. Так что конечный столб, у которого Вы решите привязать свою лошадь в последний раз, на самом деле предопределен еще до того, как Вы вышли на прямую... Э-э-э, так зачем это я сюда пришел?

Я улыбнулась и пожала плечами.

– Боюсь, Вы искали прежнего хозяина этой лавки. Но он давно уже умер.

– Давно? И как давно?

– Года два с половиной уж прошло.

– Жаль, жаль, – незнакомец отступил назад, а его трость приподнялась не то в угрозе, не то в защите, – У старого Коба всегда было что-нибудь интересенькое для меня, – старик бормотал растерянно, насунив брови, смешно надув тонкие губы и с видимым презрением разглядывая висевшие на стене вышивки. Потом брови его вдруг поползли вверх, и он с недобрим удивлением закачал головой, тыча худым пальцем куда-то в стену:

– А-а! Так Коб передал-таки тебе свое дело! Теперь, значит, ты, барышня, реликтами торгуешь? Однако ж смелая ты девица, я погляжу! Надо же – выложить реликт всем на обозрение... Или глупая?

– Что-что? Реликт? Какой реликт? – возмутилась я, неприятно удивленная острым взглядом блеклых глазок, а еще больше – его словами о глупости. Может, во мне и не ума палата, однако я не жажду, чтобы каждый встречный уверял меня в обратном.

Однако едва только мои слова сорвались с губ, как незнакомец переменялся в лице, торопливо отмахнулся от меня и в испуге попятился назад.

– О-о, простите, милочка, ошибся! Просто старье, уверяю! Просто старье, никому не нужный хлам, лучше бы его спрятать от беды подальше... Пожалуй, я пойду, раз Коба больше нет... Старый дурень!

– Погодите, – я бросилась за ним, уцепилась за рукав и добавила бочку меда и жбанчик сливок в голос, – Погодите. Мы с Вами, пожалуй, оба погорячились. Зачем же так? Разве не можем мы поговорить, как разумные люди? Я ничего не знаю о прежнем хозяине, но у меня кое-какие вещи от него остались. Может, Вы захотите взглянуть? Пожалуйста, не уходите!

Старик мне показался вздорным и неуравновешенным, однако большей частью его речи были здравыми, что убедило меня по меньшей мере в том, что незнакомец не безумен. А если говорит он странные вещи... Что ж, странности в моей жизни были на каждом шагу. А в этот хмурый вечер мне почему-то очень не хватало компании. Обычно я не чувствую себя забытой и одинокой, но Йердас был на подходе, и я неминуемо чувствовала его приближение. Меня замучили странные сны, мне хотелось отвлечься хоть чем-нибудь помимо легковесной болтовни Лики или моих мастериц. А неожиданный посетитель был по-своему забавен. Когда не говорил глупости и не пугал меня странными намеками.

– Можно и посмотреть, – недоверчиво пробурчал старик, но глаза его подозрительно блеснули.

– Чайку? Или чего покрепче? – душевно улыбнулась я и чуть посторонилась в приглашающем жесте.

Старик назвался Олеусом Миттой. От рюмочки-другой вишневой наливки, чашки горячего чаю и куска фруктового пирога Олеус подобрел, на его сухоньком остроносом лице проявились пятна румянца и довольная улыбка. Но более открытым от этого он не стал. Добрый

час мы воодушевленно играли в «попробуй, выведай» и, надо признать, у него это получалось куда лучше моего. Довольно скоро он уже знал почти все, что о самой себе знала я. Мне же о нем разузнать удалось немного. Мой собеседник обладал обширными знаниями в столь различных областях, что у меня появилось искушение спрашивать его все больше и больше. Олеус уверенно говорил о звездах или о том, как странные звери обитают в мире; знал о лечебных травах и различных свойствах минералов, без колебаний отвечал на вопросы о том, как устроена Империя... Лишь одной темы он старался не касаться. Магия. Даже малейший намек на магию и магов, а также все, что с этим связано, заставляло старика аккуратно переводить разговор на тему, далекую от моего вопроса. Нет, Олеус не фыркал презрительно, не задирающе нос и не вздрагивал испуганно, он просто отвлекал мое внимание чем-то занимательным, в общем, мастерски пудрил мне мозги так, что я просто-напросто забывала о вопросе, который задавала раньше. Однако слишком рассеянной и забывчивой я все же не была, а потому уклончивость старика показалась мне довольно странной. В здешних местах магов не любили, это правда. Магов вполне обоснованно, как мне объясняли, опасались, ибо были это личности недостижимые и почти что равные самому Императору, однако явной неприязни к ним я ни у кого не встречала. Их просто боялись. По здравом размышлении я подумала, что господин Олеус когда-то столкнулся с кем-то из магов или с чем-то из магии, и это столкновение имело дурные последствия – вот отчего старик не желал об этом вспоминать. Это казалось тем более странным, что господин Олеус был не из боязливых и перед незнакомым человеком в выражениях вовсе не стеснялся. После того, как он весьма безжалостно высмеял самого господина фельдмаршала и его семейство, нимало не заботясь тем, что я могу оказаться какой-нибудь мерзкой наущницей и донести о его нелестных словах властям, я тем более терялась в догадках, чем же так испугали его маги.

Мне самой маги не мешали, и магии я не боялась. В районе Песчаной улицы мы не встречали ничего подобного – магия была делом избранных, которые никогда не сходили до внимания к более бедным городским кварталам, и нам, простым смертным, от их щедрот не выпадало ничего. И я не сомневалась, что, случись что-нибудь странное, мы дружно держались бы этого в стороне, не желая вмешиваться.

Однако поведение господина Митты меня раздражило. Я хотела понять, чем же так досадили ему маги, потому спросила напрямик:

– Реликты – это магические предметы?

Признаться, его оговорка о каких-то реликтах в самом начале нашего знакомства показалась мне странной. Точнее, не оговорка, а то, как поспешно старик пытался уйти от этой темы, едва только поняв, что я ничего об этом не знаю. Но если с предметами, выставленными мною в витрины, что-то нечисто, я должна знать об этом. Даже вопреки нежеланию моего гостя.

Вопрос, разумеется, Олеусу не понравился, но все-таки он ответил.

– Не совсем.

Всем своим видом старик показывал, что разговор на эту тему лучше прикрыть... и все же колебался. Ему явно было что мне рассказать, однако он никак не мог решиться на это.

Тогда я мило подлила масла в огонь.

– Среди вещей старого Коба я находила странные предметы. Они не простые древности, так ведь? Они не похожи ни на что. Я даже не могу понять, для чего они нужны. Когда касаешься их, они холодны как лед, но если подержать их в ладонях несколько минут, они становятся теплыми, словно нагретыми солнцем...

Олеус безумно вытаращил на меня глаза, несколько секунд пялился, вцепившись худыми узловатыми пальцами в край столешницы, и даже слегка приподнялся над стулом, словно собираясь вот-вот дать деру, потом испуганно оглянулся на запертую дверь и удручающую темноту за ней, немного успокоился и присел обратно на стул, не отрывая от меня подозрительного взгляда.

– Теплыми, говоришь?

Я медленно кивнула, тоже глядя ему в глаза.

– Никому об этом не говори, моя любезная барышня.

– Почему? – таким же свистящим, приглушенным шепотом спросила я.

– Это может быть опасно для тебя.

– Почему? – опять спросила я, – Я делаю что-нибудь незаконное?

Олеус долго молчал, по-прежнему испытующе глядя на меня. Уж не знаю, что он себе надумал или что увидел, но постепенно взгляд его смягчился, тонкая щель рта изогнулась в печальной усмешке, а руки перестали напоминать намертво сцепившиеся между собой грабли.

– Лучше бы тебе ни о чем таком не знать, барышня моя, но раз ты уж влипла в дела старого Коба, то будь начеку.

Он еще раз вздохнул, собираясь с мыслями, а потом задал странный вопрос:

– Знаешь ли ты, как появилась магия в нашем мире?

Брови у меня, очевидно, стремительно поползли вверх, поскольку Олеус, удовлетворенно кивнув, начал свой обстоятельный рассказ почти торжественно.

– Существует такая преинтереснейшая легенда. Это случилось в те далекие времена, когда наш мир был невинен как дитя, а человек не знал иных сил, кроме тех, что управляли погодой. Люди жили большей частью как звери, охотясь и собирая то, что даровано было самой природой, однако учась при этом создавать примитивные селения и пытаясь обрабатывать землю. Эти времена были и трудными, и легкими, поскольку простота и невинность были делом человека, и он не знал других законов, кроме тех, которые естественно писались самой природой. Но однажды покой нашего мира был нарушен. На землю упал огромный небесный камень. Удар был так силен, что от небесного огня стгорело полмира. Или где-то около этого. Одни горные цепи пали, зато появились другие. Многие реки изменили свое течение и многие озера исчезли под землей. И появились новые. Морские берега поменяли свои очертания, рождая из морских пучин неведомые острова. Края, бывшие пышными зелеными долинами, сделались голыми безводными пустынями. Многие люди погибли, но некоторые и выжили. Они-то и пришли узнать, что стало причиной катастрофы. Каково же было их удивление, когда на месте падения небесного камня, разлетевшегося на мириады кусочков, в самом центре кипящего озера огня они нашли живое существо. Во всем внешне похожий на человека, он назвал себя Эрраногом и был очень опечален тем, что его вторжение в этот мир принесло столько бед и разрушений. Пришелец обещал исправить все, на что хватит его сил, а силы у него оказались неизмеримыми. Раньше люди не сталкивались ни с чем подобным: Эрраног одним движением руки поднимал огромные каменные глыбы или осушал целые озера, одним прикосновением исцелял раны или на расстоянии умерщвлял неудобных ему. Его сила была чудовищной, как и он сам. Никто не сомневался в том, что он бог, спустившийся с небес ими повелевать, и никто не смел ему противиться. По его велению создавались города, каких никто никогда не видывал, а его армиям не с кем было воевать, поскольку никто не желал поднять на него меч. Он покорил весь этот мир и был безраздельным его хозяином...

Олеус вдруг замолчал, взглядываясь куда-то в стену за моей спиной и хмуря брови. Он сидел так несколько минут. Обо мне он, судя по всему забыл, поскольку губы его вдруг сжались в недовольную узкую полоску, а пальцы нервно забарабанили по столешнице.

Потом старик фальшиво улыбнулся и подался вперед:

– Так о чем это я?

– Вы говорили о том, откуда появилась магия. И об Эрраного.

Олеус посмотрел на меня с подозрением, однако причин отказаться от дальнейшего рассказа, очевидно, не нашел.

– Да, Эрраног. Впрочем, об Эрраного не стоит, от его времен остались только жалкие руины. Важно другое. Падение небесного камня разбудило в нашем мире магические силы, о

которых люди раньше не знали. Эти силы были во много раз слабее тех, которыми пользовался пришелец, но они были. Эрранег прожил долгую жизнь. Если легенды говорят правду, то он жил три тысячи лет, но за это время сменились тысячи поколений людей, уроженцев нашего мира. Они учились пользоваться теми малыми магическими силами, что давала им природа, с каждым новым поколением становясь все искуснее и сильнее, и в конце концов смогли тягаться с самим Эрранегом.

– А-а, так его свергли?

– Нет, он умер сам. Там еще была кое-какая война с существами не из нашего мира, но не об этом сейчас речь. К тому времени, как люди подобрали сил и подготовили заговор, Эрранег стал слишком слаб, стар и немощен. Он сам передал власть своему преемнику Ордвесу, который и стал основателем империи Удагвай, которая позже стала Дарвазеей.

– Дайте-ка догадаюсь, к чему Вы это ведете... Реликты – вещи времен Эрранега?

– Сообразительная девочка, – хихикнул Олеус, – Так и есть. Но эта не вся правда. Вещи вещи рознь, как ты понимаешь. За крохотную медную статуэтку времен Эрранега можно отгрести немало золотых дукатов, но это еще не реликт.

– Не реликт? Тогда что такое реликт?

Довольный моим обескураженным видом, старик откинулся на спинку стула и принялся постукивать своей палкой по ножке стола.

– Секрет, моя барышня, кроется в том, из чего сделаны реликты.

– Так из чего же? – гостю очевидно нравилось скармливать мне историю крохотными кусочками, и я с удовольствием подыгрывала ему в этом.

– Частица небесного камня – вот что делает реликт реликтом. Без нее любая вещица времен Эрранега всего лишь дорогостоящая безделушка.

– И что же такого ценного в небесном камне?

– Магия, – заговорщическим шепотом поведал Олеус, наклонившись вперед и вновь откинувшись назад. Глаза его горели огнем, – Совсем не похожая на магию нашего мира и с каждым годом все больше исчезающая магия. Когда Эрранег упал с неба, камень внутри которого он был, раскололся на многие части. Постепенно люди поняли, что эти частички сами по себе несут заряд чужой небесной магии, и научились ее использовать. Этот, например, гребешок, – старик неожиданно вскочил, вприпрыжку добежал до стеллажа, на котором среди украшенных разноцветными бусинами, лежали заколки для волос и гребни, – ты ведь ни разу не расчесалась им, верно?

Заинтригованная, я кивнула.

– А как-нибудь расчешись. А лучше кого другого расчеши.

Я подошла и с подозрением покосилась на медный, как я полагала, украшенный чеканкой небольшой изогнутый гребешок. Незатейливый, не роскошный, но удививший меня изящными формами и тонким рисунком какого-то зверя, гребень не имел пары, а потому я сомневалась, что его кто-нибудь купит, и положила на витрину только для красоты.

– И что будет?

– Он уснет! – с воодушевлением заявил Олеус, – И проспит сутки, не меньше!

– Не может быть.

Довольный моим изумлением Олеус радостно потер руки.

– Нет, не может быть, – громко повторила я и от скепсиса, явно звучавшего в моем голосе, старик нахмурился, – Если все это так ценно, прежний хозяин этой лавки был бы богат. Но я что-то не нашла у него никаких богатств.

– И не найдешь, Коб не из тех, кто жаждал денег. Он продавал реликты только своим, тем, кому они были нужны, кому он доверял. А чаще всего обменивал их на другие полезные и интересные вещишки. К сожалению, и в братстве узнали, что у него... э-э...о-о...

Поняв, что сказал нечто лишнее, Олеус отступил назад и беспомощно pokrutil головой.

– В общем, в братстве знали, куда обращаться в случае чего, – охотно продолжила я, – А он откуда брал эти самые реликты?

Тут старик стушевался еще больше.

– Послушайте, – вздохнула я и принялась терпеливо уговаривать, – мне совсем не нужны Ваши секреты. Не хочу я знать и о вашем братстве. Я спрашиваю у Вас лишь для того, чтобы знать: нарушаю я какие-нибудь законы или нет? Можно ли мне торговать реликтами или для этого нужно получить разрешение властей? И если ко мне придет кто-нибудь из поставщиков прежнего владельца лавки и предложит выставить на продажу реликт, я могу согласиться? И за какую цену?

К моему удивлению, Олеус огулушительно расхохотался.

– Моя любезная барышня! – патетически сказал он весьма неприятным, скрипучим голосом, – Из всех видов контрабанды торговля реликтами единственная сразу же ведет в серебряные рудники. Если Имперский сыск прознает, что у тебя есть хоть самый незначительный реликт, хоть крошечка реликтового камня, тебя никто и спрашивать не будет, ты и пикнуть не успеешь, как тебя закуют в кандалы и отправят к Одумасскому хребту копать в шахтах и искать камешки со-о-овсем другого рода. Причем пожизненно!

– Но как же так? – охнула я, обессилена откидываясь на спинку стула, – Откуда мне было знать? И как Кобу удавалось всем этим торговать?

– Вот именно «этим»! Запомни свои же слова! Никогда не смей произносить слово «реликт» в присутствии посторонних, а лучше вообще не произноси. Никогда не знаешь, кто может услышать!

Я жалобно посмотрела на него, потом перевела взгляд на полку, где раньше лежал злосчастный гребешок.

– Да-да, убрать! Немедленно убрать! – сурово сведя брови, рявкнул Олеус, – Коб, хоть и был поганцем, но не дураком, никогда не выставлял товар напоказ. Знаешь, почему никто и никогда его не заподозрил? Просто потому, что никому не приходило в голову, что среди гор хлама, которым он якобы торговал, найдется хоть одна ценная вещь! Он мастерски умел всех водить за нос, мой пренеприятнейший друг Коб. Он даже меня не раз облапошивал, всучая превосходно сработанную подделку, которую даже я, заметь, даже я! – старик воодушевленно выставил худой палец вверх и приосанился, – не смог распознать.

Возможно, Коб и был мастером своего дела, а вот я – точно нет. Я не умею жить в конфликте с законом, я обязательно попадусь, причем на сушей ерунде!

– А Вы не могли бы все это забрать себе? – заискивающе улыбаясь, наклонилась я к старику, – Вам ведь это нужнее?

Олеус громко фыркнул:

– Вот еще! Мне нужна только одна вещичка, одна очень ценная и нужная вещичка, а до прочих мне дела нет. Да и куда я все это дену, по-твоему?

Я опять вздохнула – еще тяжелее и горестнее.

– Раздадите своим... из братства.

Старик еще презрительнее фыркнул.

– Благотворительностью не занимаюсь, а братству не отдам даже мешок гнилых яблок. Это Коб у нас был старьевщиком. Я – исследователь! – гордо заявил он, выпячивая хилую грудь.

– А что за вещичка, которую Вы ищете? – еще настойчивее и еще жалобнее спросила я.

Олеус на это вообще промолчал, многозначительно отведя глаза в сторону.

– А если я вдруг совершенно неожиданно найду ее и выкину, потому что не знаю, что она Вам нужна?

Старик задумался. Его смешные пшеничные брови сошлись у переносицы, а тонкие губы сложились в трубочку.

– Ладно, – смилостивился он, – Найти ты его не найдешь, но вдруг? Коб как-то говорил мне, что купил нечто похожее, но тогда это меня не интересовало.

– А теперь, значит, интересуется?

– О да, – скупно кивнул Олеус, – Кое-что изменилось в нашем мире, а дальше будет еще хуже... Н-да... Так вот, вещичка... Это жезл, маленький жезл чуть больше ладони длиной. Сделан он из черного металла, похож на веретено. На концах утолщения с крохотными желобками, а посередине разные значки выгравированы. Вот такие, к примеру.

Говоря это, старик макнул свой худой палец в чашку и нарисовал на столешнице странные закорючки.

От вида которых у меня неожиданно сильно закружилась голова...

...Свет преломляется на золоте и слепит, слепит мне глаза, но я успеваю увидеть излом золотого шнура, выложенного знакомым мне знаком. Я знаю его, да-да, знаю, ибо именно мои руки вышили его... Этот знак обещает защиту, а этот... вот этот – опасен... Руны... Руны темные и светлые... А там за завесой света стоит кто-то темный. Человек. Его лицо во мраке, его глаза как бездонные дыры, его рот раскрывается в крике... Он зовет, он ищет и зовет. Меня зовет... Свет плетет кружева и слепит мне глаза, я не могу рассмотреть того, кто скрыт, но должна, должна! Я до боли вглядываюсь, прикрываю глаза ладонью, но тщетно. Сердце мое обливается кровью. Слезы текут и текут по моим щекам...

– Эй, милочка, с тобой все в порядке?

Я шмыгнула носом, поспешно вытерла тыльной стороной ладони непонятно откуда взявшиеся слезы и решительно заявила:

– Эти значки мне известны. Еще я знаю такие и такие.

По мере того, как мой палец уверенно рисовал линии на столе, глаза Олеуса выпучивались все больше и больше.

– Откуда? – наконец охнул он.

Я равнодушно пожала плечами. Знать бы! Интересно, а кто это был, там за светом в моем странном видении?

Олеус как-то вдруг сгорбился, съежился и незаметно растерял весь свой пыл, став похож на старый гриб. Его сухая ручка осторожно накрыла мою собственную, остановив ее на полпути рисования очередного знака, а потом также осторожно одернулась.

– Вот что, барышня, – как-то очень уж серьезно произнес старик, – Не знаю, кто ты и откуда, но сдастся мне, человек ты хороший. Я, конечно, в людях обманывался не раз, но не сейчас, надеюсь. Вот тебе мой стариковский совет: оставь все это. Забудь все, что я тебе тут по дурости наговорил. Спрячь подальше всякие кобовы безделицы и никогда их не доставай, а ежели кто придет сюда и Коба спрашивать будет – гони взащей, будто и не знаешь ничего. И не позволяй никому чужому прикасаться к тебе, вот как я сейчас. Никогда не знаешь, с кем можно случайно столкнуться. Лучше живи тихо. Живи своей жизнью, слюбись с каким-нибудь молодцом, нарожай ему детишек и будь счастлива. Потому что не сделаешь, как я сказал, ничего этого у тебя не будет.

– Почему? – тупо спросила я, ошеломленная такой отповедью.

– Не надо бы мне тебе такое говорить, но лучше узнай, а потом сразу забудь, ладно? Ты магичка, барышня, даже со своим скудненьким даром я это чую. Ты и руны знаешь, и реликты тебя слушают – как есть магичка! Только берегись, что б никто другой этого не понял. В твоём прошлом, которого ты не помнишь, могут скрываться тайны, которых лучше не открывать. И если твою память запечатали магией, может на то были важные причины?

– И как, интересно, я могу теперь это забыть? – пробормотала я в пустоту, ибо входная дверь, тренькнув колокольчиком, захлопнулась.

Три недели спустя в Вельме только и говорили, что о небывало позднем и еще более небывало мягком Йердасе.

Ах да, вы же о Йердасе ничего не знаете! Я уже дважды испытывала на себе его мощь и потому с полной уверенностью могла заявить – удовольствие это сомнительное.

Йердас – это ветер. Да-да, ветер. Не легкий, прохладный ветерок, колышущий занавески. И даже не порывистый задира, сопровождающий грозу. Йердас – это неподконтрольная жестокая стихия. Каждый год он приходит ровно перед тем, как теплое морское течение от далеких южных островов достигает берегов Империи и согревает ее в наступающей зиме. Оттого в Вельме, да и на всем северном побережье Дарвазеи никогда не бывает холодно. Но Йердас – это расплата людям за тепло, безвозмездно даруемое югом.

Йердас не знает жалости. Он глумлив и злобен, он выбивает последние крохи тепла из жалкого человеческого тела, напрасно взывающего к милости неба. Йердас – это две, а то и три недели холодного, сильного, никак не прекращающегося ветра, частенько с дождем, снегом или ледяными колючками. Две недели нудного свиста в ушах, доводящего до безумия. Две недели шума за окном, который слышен даже сквозь нарочито бодрые разговоры, смех или музыку. Две недели пронизывающего до костей холода, морозящего даже воду, отчего льдом покрывается все: улицы, дома, кареты... В мире становится хмуро и неуютно, в голову лезут отвратительные мысли. Говорят, это время самоубийств. Охотно верю. Если есть на свете время для глухого отчаяния и уныния, то это Йердас. Жизнь становится пуста, сера и бессмысленна, а стоит только опустить руки, как непонятная беспричинная тоска поглотит вас без остатка.

Вас уже впечатлил Йердас? Сомневаюсь, что вы захотите увидеть его воочию, поскольку даже жители северного побережья Дарвазеи предпочитают смотреть на Йердас со стороны, из теплого укрытия. Ведь кто желает, выйдя на улицу, оказаться размазанным по ледяной стене? После того как, разумеется, прокатится (в лучшем случае на ногах, а чаще – на заднице) по обледеневшей мостовой или ломким волнам замерзшей грязи?

К приходу Йердаса готовились загодя. Эти две недели каждый вельмиец переживал по-своему: кто-то запасался едой, водой и развлечениями, кто-то – работой впрок. Но любой мало-мальски здравомыслящий человек рисковал выйти наружу на растерзание Йердаса только в случае крайней нужды.

Зато когда ветры стихали, начинались буйные празднования. Йердас прошел – считай зима долой, ибо теперь до самой весны, пока не уйдет теплое южное течение, погода будет мягко-осенней, с дождями и туманами, с легким, никогда не прекращающимся сумраком, но ровной, унылой и безопасной...

А в этом году все было не так. Начать с того, что Йердас заметно припоздал. Его ждали раньше; императорские погодники-маги дважды объявили о том, что ветры на подходе, а Йердаса все не было, и лишь неделю спустя ледяной шквал накрыл город. Вельмийцы вздохнули обреченно и принялись подпирать ставни и закрывать двери.

Но уже три дня спустя многие были выдернуты из привычной спячки стуком в дверь. Вот сосед зашел к соседу, вот из лавки примчался приказчик, потому как товар доставили... Город жил, несмотря на Йердас, потому что Йердас отступил! Это оказалось небывалым, по крайней мере, старожилы не могли такого упомнить на своей памяти, хотя когда хорошенько подумали, то, разумеется, вспомнили, что лет эдак двести назад, как говаривали их деды, однажды Ветры пропали, и была тогда великая беда по всей земле... Вроде как мор был. Или пожар... Или нет, очень холодная зима, когда даже выпал настоящий снег и сугробы лежали целый месяц! Или еще чего. Да, жди беды, говорили знающие люди. Ничего хорошего из этого не выйдет, удрученно качали головами записные пессимисты и пророчили взамен неудавшегося Йердаса небывало морозную зиму и неурожай летом.

Имели ли эти предсказания основания или нет, никто не знал, но Ветры прокатились по северному побережью Дарвазеи слабенькие, словно разбавленное мошенником-трактирщиком

пиво. Через четыре дня восстановилась обычная погода, если не считать обильного дождя, из-за которого случилось наводнение на восточных окраинах Вельма, а равнина Наррот и вовсе ушла под воду. Ну, да это мелочь, посчитали обыватели и с привычным энтузиазмом принялись готовиться к Гроздянке, последней расовским празднествам, главным событием которых издавна считался Осенний бал.

Из-за того, что большую часть кропотливой монотонной работы швейные и вышивальские мастерские, вроде моей, всегда оставляли на две недели вынужденного затворничества во время Ветров, подготовка к этому конкретному Осеннему балу была похожа на скачки с препятствиями верхом на хромых кобылах. Вместо двух недель мы получили пару-тройку дней, а одуревшие клиенты немедля требовали свои заказы, словно в ожидании конца света решили наповал сразить друг друга пышностью собственных нарядов и таким образом покончить с этим бранным миром. Но первыми, судя по всему, должны были рухнуть от изнеможения мы, швеи, вышивальщицы, колясочники, шляпники, сапожники, перчаточники... С утра до ночи в моей мастерской крутились, придумывая способ поскорее да поэффектнее украсить женские платья и мужские камзолы, шесть мастериц, включая меня, по такому случаю заваленные работой по уши. Дверной колокольчик звонил не переставая...

Только ночью, добредая до уютной постели в своей ухоженной спальне, я оставалась сама с собой наедине. Только ночью я понимала, что несмотря на все угрозы Олеуса и дневную суматоху, слова его забыть не могу. Нет, я вовсе не испугалась. Признаться, увещевания старика волновали меня куда меньше той поистине ошеломляющей идеи, которую он подсказал. Так что я совсем не собиралась забывать его слова.

Ведь если память моя была запечатана магически, значит, мне нужен маг!

– Госпожа Никки, – робко поприветствовал меня сэра Гари. Тошная его фигура с нелепым букетом дорогих цветов среди мечущихся с увесистыми свертками приказчиков, озабоченных клиенток и измученных мастериц, то и дело выскакивающих из мастерской в лавку с очередной порцией готовых платьев, выглядела неуместно и даже комично. Я едва удержалась от смеха, однако внезапно меня осенило, что с помощью этого бедного юноши я могу реализовать собственные планы.

– Сэр Гари, – душевно улыбнулась я, протягивая руки навстречу, – Какая радость видеть Вас!

Слова мои упали на благодатную почву: молодой человек зарделся, глаза его сияюще распахнулись, тщедушные усики встрепенулись, а сам он немедленно шагнул вперед, не обращая ни малейшего внимания на окружающих. А стоило бы, между прочим. В этот момент юный Тусси со стопкой полотен согнувшись пытался побыстрее прошмыгнуть в кладовку и попался ровнехонько под ноги молодому господину. Тот, разумеется споткнулся, а поскольку его руки были заняты цветочным веником, то ни за что удержаться не успел, а только ткнул букетом в нос одной очень важной даме, пришедшей осчастливить мою лавку своим заказом самолично и чрезвычайной удивившейся неожиданному нападению. «Что такое? Что такое?» – курицей встрепенулась дама, всплескивая руками. В то время как сам сэра Гари, перелетев через Тусси, плашмя упал на деревянный стеллаж, где лежали образцы и разные бусины россыпью. Стеллаж завалился на бок, бусины весело запрыгали по полочкам, по полу, под ноги...

Сэр Гари встал, аккуратно отряхнулся и протянул мне на раскрытой ладони пару серебряных гребней:

– Я смотрю, у Вас тут гребешки на пол упали, госпожа Никки.

Я увела моего поклонника в свою личную комнатку еще до того, как в лавке грянул хохот, однако доносившиеся из лавки звуки сэра Гари, похоже, совсем не покоробили. Он забыл о них еще до того, как я сообщила, что с удовольствием приму его приглашение на Осенний бал, если он еще не передумал.

Он не передумал.

Ровно неделю спустя я имела честь войти в роскошный бальный зал, вернее, в Зал Городских Собраний, где обычно проходили Ассамблеи, а два раза в год – и балы, устраиваемые для знатных или именитых горожан. Разумеется, Зал Городских Собраний – это не Императорский дворец, куда съезжалась знать высшей пробы, дабы иметь честь быть принятой самим Императором Адрадором Третьим и Императрицей Мильеной, но и не открытая городская площадь, где обычно без стеснений веселился простой люд.

Бальный зал был украшен драпировками и гирляндами из веток николестры с живописными гроздьями крупных янтарных ягод – именно в их честь праздника после сурового Йердаса в простонародье называли Гроздянками.

Я люблю веселиться, как бы ни упрекала меня резвушка Лика в том, что я замкнута и нелюдима. Я люблю дружелюбные лица и открытые улыбки, люблю танцевать до упаду, когда от кружения в задорном лалле-пуле пол уходит из-под ног. Люблю немножко пофлиртовать с Луриком, подмастерьем кузнеца, высоченным крепким парнем, в танце слишком уж бережно обнимающим мою талию словно она хрупкая, как ножка стеклянного бокала. Люблю хохотать над проказами носатого Букти, деревянной марионетки, главного героя развеселых кукольных театров, бродящих по улицам. Эти радости чисты и невинны – чуть-чуть трогают чувства, чуть-чуть отдают пикантностью, чуть-чуть будоражат нервишки...

Но попав на бал в Зале Городских Собраний, я словно бы попала в другой мир. Здесь тоже было тесно, шумно и душно, но далеко не душевно. Гости оглядывали друг друга с плохо скрываемым презрением или тщательно разыгранным дружелюбием – в зависимости от того, какое положение в обществе занимал тот или иной человек. Смотрели не на лица, а на роскошные наряды; оценивали не характер человека, а стоимость украшений, навешанных на платье в невероятном количестве... Мне нечего было стыдиться, мой наряд, пусть и скоропалительный, был вполне достоин выставления на этом балу. Нежно-голубое с белой и серебристой отделкой элегантное платье было заказано для дочери одного вельможи, однако накануне праздников девушка неожиданно сильно занемогла, а обеспокоенный папаша решил, что раз на балу блистать в этом платье некому, лучше потратиться на лекарства и лекарей, чем платить за бесполезное дорогостоящее приобретение. Так невыкупленный наряд и остался в моей мастерской, что случилось не впервые и никого не беспокоило – накануне бала все нераспроданные платья раскупались подчистую.

Но этот наряд я оставила для себя, немного ушив в талии и убрав кое-какие излишние украшения. Платье было скромным на первый взгляд, однако очень элегантным и отнюдь не дешевым, а богатая вышивка и вообще делала его неотразимым. К нему я добавила нитку крупного южного жемчуга и украсила свои русые волосы розетками из жемчуга помельче. Так что сэр Гари, заехавший за мной перед балом, долгих несколько секунд восхищенно тарасился на меня, не способный вымолвить и слова. Я была польщена.

Однако, как бы ни гордился молодой дворянин красотой и изысканностью своей дамы, очень скоро стало понятно, что он стесняется ее невысокого происхождения. К моему удивлению, сэр Гари, не будучи и сам звездой первой величины, очень щепетильно относился к мнению господ, стоявших выше его на социальной лестнице. Когда в третий, а потом в пятый или десятый раз он замечал, как жгучий интерес, горевший в глазах того или иного дворянина, которому он меня представлял, меняется на непроницаемое и равнодушное «очень приятно» после моих слов «владелица золотошвейной лавки», сэр Гари приуныл и уже не так благоклонно взирал на даму своего сердца и даже робко посоветовал не говорить мне, кто я такая.

А дама, то есть я, из-за этого особо и не переживала. Я пришла на бал ради одного-единственного знакомства и намерена была добиться своего, чего бы мне это ни стоило. Проблемой оказалось совсем другое, то, чего я, к своему удивлению, не смогла предугадать – танцы. Разу-

меется, местные танцы я знала, поскольку чаще всего на Песчаной улице и ее окрестностях танцевали именно их: лихой и быстрый лалле-пул, парный тартамел и изысканный ратипут или ратье-пута с множеством красивых фигур и сменами партнеров. Еще Лика и ее подружки научили меня фили-нале, новомодному и очень популярному танцу... Но ни один из этих танцев – танцев простолюдинов – не танцевали в Зале Городских Собраний. Я с ужасом смотрела на кружащиеся в особом ритме пары и понимала, что не смогу повторить фигуры этого танца безо всякой подготовки. Сэр Гари был столь любезен, что торчал рядом со мной унылым зимним деревом, или бродил тенью по залу, выискивая человека, с которым я очень хотела познакомиться. По сути, мне нужен был не конкретный человек, а человек определенного рода занятий, но сэр Гари знал только одного мага, да и то шапочно, поэтому пришлось смириться с задержкой и развлекаться лишь стрелянием глазами.

– Могу я пригласить даму на танец, раз ее неудачный кавалер до сих пор не сделал это?

Передо мной склонил темноволосую ухоженную голову в легчайшем поклоне высокий статный мужчина средних лет. Одет он был весьма роскошно в темный бархат с таким количеством украшений и вышивки, что из-за драгоценностей почти не просматривалась сама ткань наряда. На его груди были три цепи с медальонами и золотая перевязь с вышитыми поверх знаками двойной лилии, перемежающимися сидящими псами (я, увы, не знала, что это означает), в ушах болтались тяжелые изумрудные серьги, пальцы отягощали кольца и перстни с отблесками всеми цветами радуги. Но даже не будь всего этого, надменно-высокомерное лицо этого господина говорило само за себя – знатен, самоуверен и не привык к отказам.

Я была так удивлена, что даже обернулась посмотреть, не стоит ли за моей спиной та самая дама, которую он намеревался пригласить. Но нет.

– Нет, – вежливо сказала я, – Не можете.

Очевидно, это был первый и единственный отказ в его жизни.

– Почему же? – лениво улыбнувшись, спросил он, но темные глаза его недобро блеснули, а ироничный уголок губ на мгновение вздыбил порядком поседевшие волоски усов и бородки с правой стороны лица.

– Я не умею танцевать.

– Этого не может быть, – улыбка стала холоднее, а глаза сощурились еще больше, крупный подбородок выпятился вперед, – Любая девица уметь танцевать.

– Я не любая.

– Это верно...

Его въедливо-пристальный взгляд мне очень не понравился.

– Я Вас научу, – милостиво снизошел он. На губах расцвела странная, очень странная и оценивающая улыбка. Она мне не нравилась, как и все остальное в этом человеке. Холодок страха пробежал по моей спине.

– Благодарю, нет, – я со всей возможной учтивостью присела и аккуратно огляделась по сторонам в поисках пути к бегству, – Я не желаю танцевать.

Незнакомец застыл, неверяще глядя на меня, потом переместил свое жалящее внимание на моего кавалера, замершего рядом со мной (как только теперь я заметила) в полнейшем оцепенении. Сэр Гари судорожно сглотнул, и кадык его смешно дернулся.

– Э-э-э... уважа-мее-мейший с-с-эр Валдес... по-аз-звольте представиться...

– А Вас никто не спрашивал, – рявкнул бархатный господин, смерил нас презрительным взглядом, развернулся и исчез в толпе.

– Госпожа Никки..., – жалобно проблеял Гари, бледнея на глазах и трясясь мелкой дрожью.

– Так и кто это был? – мрачно поинтересовалась я, полная нехороших предчувствий.

– Сам господин Угго Валдес, Главенствующий маг Имперского сыска... Лично я с ним не знаком... Не знаю, почему он здесь оказался... Ему, наверное, скучно стало в Императорском

дворце... Обычно такие, как он, здесь не бывают... Папенька меня в порошок сотрет... Такое неуважение господину Валдесу!

– Какое неуважение, Гари? – в сердцах шикнула я, стараясь не повышать голоса, – Он спросил, не желаю ли я танцевать, а я не желаю. Какое неуважение?

– Таким, как он, не отказывают, – простонал мой кавалер, прикрывая лицо трясущимися ладонями, – Какой скандал. Мы должны уйти.

– Что?

– Мы должны немедленно уйти.

– Но Вы же обещали познакомить меня..., – и тут до меня дошла пренеприятнейшая истина, которую я упорно не соизволила замечать, – Н-да, кажется я уже познакомилась.

В центре бального зала механическими фигурками двигались разряженные пары, причем мужчины были одеты ничуть не скромнее женщин. Играла музыка – оркестр из полусотни музыкантов расположился на балконе и не мозолил глаза почтенной публике своими медными трубами и рыжими мандолинами. Слуги, обильно потеющие в своих темно-зеленых суконных ливреях, продирались между развлекающимися господами с подносами еды и напитков... А сэр Гари пробирался к выходу, побледневший донельзя, словно старался раствориться совсем и не привлекать к себе внимания. Однако это не удалось и его долговязая фигура, казалось, все больше становилась объектом горячечных взглядов, как липкая темная патока привлекает мух. От доносящегося со всех сторон шушуканья он совсем сгорбился и смотрел только себе под ноги.

Ко мне все это не относилось. Я шла, гордо подняв голову и спокойно улыбаясь, а разряженные дамы и кавалеры поспешно расступались и отводили взгляд, если им доводилось наткнуться на мой. Если я и была зла, как голодный сторожевой пес, и раздосадована, как тысяча чаек, у которых из-под клюва увели рыбу, то вряд ли кто-то это заметил.

Мы почти дошли до выхода, когда вновь столкнулись с виновником переполоха. Со злоградской улыбкой проводив взглядом сутулящегося и прячущего глаза Гари, Валдес ехидно поинтересовался:

– Уже уходите?

– Насколько я знаю, это не возбраняется, – сухо ответила я, пытаюсь пройти мимо него. Но маг перехватил меня за локоть... И тут глаза его распахнулись в немом удивлении. Тогда Валдес еще сильнее и требовательнее сжал мою руку, пальцы его буквально впились в мою кожу.

– Даже так? – задумчиво произнес он, глядя на меня уже оценивающее и настороженно, – Кто же ты?

Я упрямо молчала, хотя мужские пальцы причиняли мне сильную боль. Валдеса не интересовал скандал, который он устраивает на глазах у почтенной публики, его вообще не волновали такие незначительные условности, как чужие мнения или желания. Например, мои. Теперь я понимала, какого дурака сваяла, сцепившись с ним. Можно было еще выкрутиться, назваться чужим именем... Впрочем, все имена мне чужие, каким не назовись!

– Это госпожа Николестра, владелица золотошвейной лавки на Песчаной улице, – радостный от возможности хоть чем-то угодить столь значительному человеку, поспешно выпалил Гари, топчущийся рядом.

– Ты чья подопечная? – сурово спросил Валдес, совершенно игнорируя потуги Гари быть полезным, как и его самого. А когда понял, что его вопрос вызвал мое недоумение и не более того, то добавил, – Ты знаешь, что обладаешь даром?

– Какой дар? – я постаралась изобразить удивление, однако вот теперь маг на это не купился.

– Знаешь, – удовлетворенно заявил он и бесцеремонно потянул меня в сторону закрытых дверей, у которых в пугающей неподвижности застыли двое караульных в зеленых с позолотой мундирах, – У меня тоже есть дар: я прекрасно распознаю ложь.

По кивку Валдеса караульные открыли дверь и захлопнули ее перед самым носом сэра Гари, едва только маг провел меня внутрь.

Пока мы были в окружении людей, мне вполне удавалось сохранять невозмутимый вид, однако я не могла ручаться за спокойствие, когда мы остались одни.

Зал, в который мы вошли, заметно уступал тем, которые были открыты для проведения бала, размером, но не роскошью убранства. Это был, похоже, кабинет, комната для заседаний немногочисленного совета, ибо здесь был довольно большой стол, дюжина стульев вокруг него, кресла у окна и множество книг на полках, полностью закрывающих две стены.

Но Валдесу было совершенно наплевать на обстановку. Все еще немилосердно удерживая меня за локоть, другой рукой он неожиданно сдернул с моего правого плеча расшитый серебром тонкий рукав. Я взвизгнула и судорожно попыталась прикрыться:

– Что Вы делаете?

– Ищу клеймо.

– Клеймо?!

– У каждого человека с магическим даром, мужчина он или женщина, – издевательски-ласково произнес Валдес, кончиками пальцев поглаживая мое оголенное плечо, – в жизни только две дороги. Или тебя принимают в Гильдию магов и тебе служат другие, или ты служишь тому, кто принят в Гильдию. Девственно чиста!

От последней фразы я испуганно дернулась, а маг расхохотался.

– Как же так получилось, крошка, что тебя до сих пор никто не заклеил?

– Но почему меня вообще должны клеить? – в отчаянии пролепетала я.

– Ты не слышала, что я сказал? – его пальцы оставили мое плечо в покое и больно вцепились в подбородок, – Учись слышать, учить подчиняться. В Дарвазее люди с магическим даром свободными не бывают. Они или приказывают, или служат – другого не надо. Ты будешь служить мне, потому что я из тех, кто приказывает. Когда ты получишь мое клеймо, ты должна будешь очень внимательно меня слушать и выполнять только мои желания и ничьи другие. У тебя может быть только один опекун, пока ты не станешь полноправным магом. Если когда-нибудь станешь, что будет зависеть только от меня. Уразумела? Пожалуй, опека над тобой доставит мне немалое удовольствие.

У него были темно-карие, красивого разреза глаза, совершенно безжалостные и какие-то неживые, смуглая кожа, массивный нос и крупный рот с мощным раздвоенным подбородком ему под стать. Мужчина так и излучал силу, обычную физическую силу, а если он еще и маг... Я внутренне содрогнулась, а он, почувствовав мой испуг, опять довольно рассмеялся.

– И много ли у Вас... подопечных? – стараясь говорить спокойно и невозмутимо, я попыталась натянуть рукав на плечо.

– Много, – сухо ответил Валдес, оценивающе рассматривая меня с головы до ног, – Но никого такого многообещающего, как ты.

– Когда Вы станете моим опекуном, что я должна буду делать?

– Все, что я ни прикажу. Ты можешь жить своей жизнью, но когда я приказываю – ты бросаешь все, даже мужа и детей, если они у тебя есть, и делаешь то, что я велел.

– А если я не соглашусь?

Лицо его еще больше затвердело и стало до неприятного жестким.

– Я не советую тебе испытывать мое терпение, красавица. Я могу быть жесток и лучше тебе никогда не узнавать насколько. Если ты сбежишь, любой, кто найдет мое клеймо у тебя на плече, приведет тебя ко мне. Теперь ты моя.

Он гаденько заулыбался и принялся нежно поглаживать пальцем мой подбородок, а я никак не могла сдерживать дрожь, колотящую мое тело.

– И когда же это случится? Когда Вы собираетесь меня... клеймить?

– Зачем же откладывать? Прямо сейчас.

Мы вышли из кабинета через другую дверь, не ту, через которую попали сюда. За кабинетом открылась длинная анфилада богато убранных, однако совершенно пустынных залов и зальчиков поменьше. Здесь не было ни души. Даже странно было, что где-то совсем рядом проходит бал, играет музыка, танцуют пары, шушукаются сплетники и сплетницы. Валдес отпустил мою руку и теперь шел рядом, горделиво ступая и не глядя по сторонам, словно шел под прицелом тысяч взыскательных взглядов. Разумеется, я попыталась бежать. Однако в своем неподходящем для бегства многослойном тяжелом наряде и в легких туфельках я упустила свой шанс на внезапность, когда, швырнув в окно вазу и разбив стекло, прыгнула на низкий подоконник, но – под оглушительный издевательский хохот Валдеса – зацепилась юбкой за торчащий острый осколок. Я рванула вперед; злость моя была такова, что платье с треском разорвалось, но драгоценное время было упущено и очень скоро я уже была сброшена на пол тяжелой мужской рукой. Он даже не применял магию... И то, как равнодушно маг воспринял мою попытку к бегству, говорило о его полной уверенности в себе и в том, что никуда я от него не денусь. И что эту попытку к бегству он очень даже ожидал и теперь вдоволь поразвлекся. Мое сопротивление ему очень даже нравилось. Наверное, чужая покорность ему до смерти надоела. И как же скоро сломлюсь я?

По лестнице, устланной ковром, мы спустились в небольшой зал с окнами в полстены. Здесь была широкая массивная дверь и люди. Увы, не те люди, которых бы я хотела видеть. Двое из шести караульных подобострастно распахнули перед Валдесом дверь, и мы вышли во внутренний дворик, где стояла ожидающая выезда конная коляска и пара всадников в черных одеждах со знаком сидящей собаки на груди. Одному я была рада – что мы выходим не через парадные двери. У меня не хватило бы сил изображать невозмутимость, если бы какая-нибудь скудоумная дама начала показывать пальцем на мое разорванное платье и хихикать.

Я вернулась домой далеко за полночь, когда на улицах еще голосили песни запоздавшие гуляки, но свидетельства прошедшего праздника – обрывки лент, цветных перьев и бумажек – оставались только на потеху уставшему ветерку. Было темно и лишь кое-какие из немногих фонарей еще горели. Я была только рада этому – мне не хотелось, чтобы кто-то видел мой позор. Черная карета со знаком выжидающе присевшего на задние лапы пса довезла меня до Хлястика, площади, откуда начиналась Песчаная улица и стоял дом Дороты. Там я и вышла, остаток пути до своей лавки проделав почти бегом, обхватив себя руками и втянув голову в плечи.

Я вернулась домой оглушенная и подавленная.

На моем правом плече огнем горело клеймо.

Утром я не открыла лавку, искренне радуясь, что после Осеннего бала многие так поступали. Лику я отправила домой, с трудом изобразив радость от вчерашнего праздника и умело сославшись на головную боль. Мне казалось, боль и вправду разрывает мое тело – то болела моя гордость, помноженная на боль в руке. Сейчас на плече был только бесформенный круглый ожог, который потом наверняка превратится в набор аккуратных шрамов, но я знала, что никогда теперь не смогу носить открытых платьев. Я знала, что увижу там, на плече: контуры клыкастого вепря, а проще говоря, тупой свиньи, грубой, безжалостной и сластолюбивой, как и сам носитель этого символа – Угго Валдес.

Мысли об этом, о том, как глупо и безвозвратно я попала в зависимость к этому человеку, не давали мне спать, не давали и бодрствовать. Они вертелись в моей голове подобно заведенному волчку, они вертелись, вертелись, вертелись до бесконечности... Как бы я хотела вернуть время назад и послушаться советов старого Олеуса!

«Не пытайся пользоваться магией, подопечная. Я все равно узнаю».

Ха! Да если бы я могла! Я и понятия не имела, что это такое – магия. Если я и знала о ней до того, как потеряла память, то теперь это было пустым звуком. В той, прежней жизни, была ли я сильна? Умела ли... что? Как этой самой магией пользуются? Если бы я вспомнила о том, что было раньше, я, возможно, и смогла бы освободиться от мага. Но память моя молчала. А я опять задавалась бесконечными вопросами: кто я, откуда, почему оказалась здесь? Не сбежала ли я когда-то от подобной напасти, от другого настырного мага, жаждущего меня заклеймить? Да уж, сбежала, хорошо сказала. Чтобы попасть в лапы к еще худшему, ибо хуже Валдеса я и представить себе не могла...

К полудню подавленность моя сменилась злостью, а злость – жаждой деятельности.

«Единственное, что тебя освободит – моя смерть. Но на это не рассчитывай, детка. Ты успеешь состариться, когда я только начну слабеть».

Несмотря на его предупреждения, я строила безумные и совершенно несбыточные планы, как поквитаться с Валдесом. Думала о том, как найти другого мага, сильнее и значительнее (разумеется, они каждый день ко мне в лавку заходят, надо только выбрать какого попримечнее). Думала о том, как получше спрятать нож в рукав, чтобы потом его незаметно и очень быстро достать... Даже попрактиковалась немного, пока не поняла, как это нелепо и глупо... Потом я просто незатейливо строила планы, как сбежать, и медленно и неуклонно погружалась в пучину отчаяния.

«Даже не пытайся, подопечная, сбежать. Я – Главенствующий маг Имперского сыска. Знаешь, что это такое? Я и пальцем не пошевелю, чтобы тебя найти. Всю работу за меня делают мои многочисленные псы».

Он все учел, обо всем предупредил. Он не оставил мне ни единой лазейки. Признаюсь, Валдес умел запугивать. Я сопротивлялась, но страх все еще дребезжал на моих нервах, как на струнах расстроенной арфы.

В конце концов я вынуждена была признать: все, что мне осталось – это не думать обо всем этом. Потому что все мои думы бесполезны и непродуктивны. Я не смогу справиться с Валдесом. Я проиграла уже тогда, когда позволила ему схватить меня за руку. И теперь совершенно не видела выхода. Он загнал меня в угол.

Тогда я принялась наводить порядок, чтобы заняться хоть каким-то делом, поскольку вышивка в моих руках сейчас просто горела и не ладилась, нитки рвались, а иглы ломались.

Я разложила иголки, ножницы и особые швейные ножи. Расставила катушки с нитками, уложила мотки тесьмы и шнуров. Аккуратно сложила отрезки ткани, подровняв края. Убрала пальцы... Я была так возбуждена, так деятельна, что работы в мастерской хватило всего на пару часов.

И тогда я взялась за кладовую, в которую не входила почти год.

Половинка статуэтки молодой девушки, у которой отбили ноги и нос. Серебряная шкатулка со сломанной крышкой, но очень изящной гравировкой сценой охоты. Выгнутое пузырем почерневшее блюдо. Сломанный деревянный браслет, чьей-то заботливой рукой наспех починенный кусочком медной проволоки. Вещи, вещи, вещи... Я рылась в пропыленном хламе, перекладывала с места на место, перетираала мокрой тряпкой от пыли и грязи, иной раз пытаюсь определить, что за предмет держу и зачем он нужен... Были и такие, что теплотой отзывались на мое прикосновение, но я быстро откладывала их в сторону – кто знает, какими средствами обладает Валдес, чтобы следить за мной, а насчет использования магии он предупредил меня очень строго: без его разрешения – ни-ни.

Однако теперь я вдруг обнаружила, что чувства мои в отношении магических предметов стали намного острее и четче. Если поначалу мне нужно было подержать предмет в руке, чтобы определить, реликт это или нет, то к вечеру я могла мимолетным прикосновением распознавать его. Не знаю, было ли это связано с каким-то неизвестным мне действием клейма, или я просто набралась опыта, однако это и вправду было необычным.

И чем больше отклика во мне находили эти самые магические предметы, тем меньше я хотела, чтобы о моих способностях узнал Валдес. Как и о реликтах, хранящихся в моем доме. Их оказалось совсем немного – всего шесть, и если мой «опекун» о них прознает, то можно было не сомневаться ни секунды: он приберет их к своим рукам. Ведь теперь, когда я клеймена его знаком, все мое принадлежит ему – уж это он постарался до моего сведения несколько раз.

А потом я нашла седьмой реликт – даже не прикасаясь к нему, а благодаря какому-то странному чувству: не обонянию, не зрению и не слуху, а чем-то среднему между ними – и у меня не осталось ни малейших сомнений в том, что я непременно должна была сделать дальше.

– А, старый книжник! – наконец вспомнила Дорота, когда я пыталась узнать у нее про Олеуса Митту, – И то верно, давненько он не захаживал... Живет где? Да кто ж его знает? Кажись, где-то у Малой Фонарной... Или это не он? Нет, милочка, не упомню... А ты поди у старого Понтика спроси. Он с книжниками знается...

Олеус Митта и вправду жил недалеко от Малой Фонарной, всего в паре кварталов, если идти по набережной Мыльнянки. Я, правда, не рискнула там идти. В районе Жемчужных холмов, откуда брала начало хилая Мыльнянка, берега ручья были основательно закованы в камень и металл, но чем ниже по течению, чем ближе оказывалась река к нищим портовым кварталам, тем чаще на набережной виднелись следы небрежения и упадка, и в конце концов берега речушки превращались в топкое месиво из глины, грязи и камней. Мне пришлось сделать солидный крюк, чтобы попасть на Колесную улицу, и это вовсе не значило, что башмаки мои оказались целее, чем от предполагаемого похода вдоль берега грязной и вонючей Мыльнянки.

Дома на Колесной улице были довольно ветхие и неказистые, да и стояли слишком плотно. Верхними этажами своими дома нависали над улицей так близко друг к другу, что из окна одного дома до окна дома на противоположной стороне улицы было рукой подать. Что имело, разумеется, свои преимущества. К примеру, можно было попросить у соседа соль и не бежать по лестнице вниз. А еще можно было не утруждать себя и иными покупками, запросто стянув белье, сохнувшее на веревках соседнего дома, даже не выходя из собственной комнаты. Потому что выходить из дома было накладно и опасно. Для ваших башмаков, разумеется.

Разъезженную мостовую с наполовину вывороченными булыжниками здесь покрывал толстый слой грязи, на котором ради удобства пешеходов были там-сям разбросаны полу-сгнившие деревянные чурбачки, отчего казалось, что по улице неудачно проехала кособокая тележка с дровами.

Дом, где жил господин Олеус, я нашла с трудом, поскольку втиснут он был между другими домами одним узким подъездом шириной в два крохотных окна, не отличавшимся от соседних ни унылым поблекшим цветом, ни дряхлостью. Мне не один раз пришлось пройтись по этой грязненькой улочке, спрашивая прохожих, однако только чумазные мальчишки, палкой воодушевленно гоняющие от стены к стене несчастного кота, подсказали мне, где искать старого книжника.

Лестница была под стать фасаду и мне приходилось с опаской делать каждый шаг, чтобы понять, не обрушится ли ступенька подо мной, когда я наступлю на нее. Однако на третий

этаж, где-то совсем под крышей, я добралась благополучно и постучала в ветхую деревянную дверь, ни разу никуда не провалившись.

Никто долго не открывал и в любое другое время я бы вежливо ушла, чтобы зайти попозже, убежденная, что хозяина нет дома. Но с недавних пор вежливость моя куда-то сгинула, а деликатность сошла на нет. Я нагло тарабанила в дверь, потому что знала – Олеус внутри: за этой хлипкой дверью и тонкими стенами звуки чужого присутствия было не удержать.

И наконец дверь приоткрылась. Старый Олеус, еще больше, кажется, постаревший с тех пор, как я его видела, сгорбившийся и потерянный, поднял на меня выцветшие глаза... которые немедленно вылупились и застыли в немом изумлении. Пшеничные брови гусеницами выползли на лоб, а рот приоткрылся не то в удивлении, не то в ужасе.

– О, я так рада, что нашла Вас! – не дав ему опомниться, быстро проговорила я, – Я Никки, помните? Вы приходили ко мне в лавку...

Старик, не отрывая от меня взгляда, молча потянул дверь на себя, но я быстренько вставила в зазор ногу:

– Эй, господин Олеус, да вспомните же! Мы говорили о реликтах. Вы спрашивали про жезл. Так вот – я нашла его! Послушайте, мне очень нужна Ваша помощь. Вы говорили, если я найду жезл...

И тут он повел себя совершенно неожиданным образом.

– Прочь! – завизжал он и в ярости затопал ногами, – Прочь отсюда, негодная девчонка!

И, резко оттолкнув меня, с такой силой захлопнул дверь, что под ноги мне свалился кусок штукатурки с треснувшей притолоки, а внизу истерично и визгливо закричала женщина.

Напрасно я думала, что могу лицемерить. Вежливая улыбка намертво приклеилась к моим губам, а слова, которые я произносила были правильными, и все же от моих работников не укрылось ни мое подавленное состояние, ни рассеянность, ни медлительность. Поначалу Лика допытывалась, не случилось ли что на балу, и, хотя я с воодушевлением и в превосходных красках расписывала роскошь Зала Городских Собраний и нарядов присутствовавших дам и кавалеров, и музыку, и танцы, и напитки... мой фальшивый восторг ее не убедил. А потом и она, и мои мастерицы и вовсе перестали спрашивать, тихо шушукаясь у меня за спиной и качая головами.

Потрясение мое произошедшим на балу, а больше тем, что случилось после бала, было столь велико, что на большее лицедейство я оказалась не способна. Но и открыться я не могла никому, кроме одного-единственного человека, а он меня прогнал.

Я искала господина Олеуса целую неделю и целую неделю у меня была цель, поддерживавшая мое настроение в сравнительно спокойном состоянии. Поначалу я вздрагивала каждый раз, как только входной колокольчик возвещал приход в лавку нового посетителя, но поскольку посланник Валдеса (поскольку трудно было бы поверить, что маг самолично снизойдет до посещения Песчаной улицы) так и не объявился, я стала немного успокаиваться.

За неделю я думала и передумала многое, но приемлемого выхода так и не нашла. Чтобы знать, как бороться с Валдесом и его клеймом, я должна была побольше узнать о здешней магии, о магах, об отношениях клеймивших и клейменных («опекунах» и «подопечных», как с немалой толикой издевки назвал это Валдес), но к кому еще я могла пойти с такой просьбой? К другому магу? А где его взять?

Так что поиски господина Олеуса были моей единственной надеждой. И я совершенно не ожидала, что он откажется хотя бы выслушать меня. Но почему? Почему?

Все валилось у меня из рук, работа не спорилась, точнее, я была способна только на механическую работу, ту, которая не требует творческих усилий, а потому с утра до ночи я корпела над самой нудной вышивкой в своей комнатке позади мастерской и не поднимала головы,

большей частью устранившись от всего, что происходило в лавке и мастерской, и пустивши все на самотек.

Человек от Валдеса объявился через день после неудачной попытки поговорить с Олесом. Небольшой конверт из роскошной желтоватой бумаги, запечатанный красной печатью с клыкастым вепрем, Лика принесла мне на вытянутых руках и с вытянутым лицом. Чем она так была напугана – посланником или посланием, спрашивать я не стала.

Господин Угго Валдес повелевал мне явиться на Моховую улицу сегодня в полдень. Ну что ж, если я была так глупа и нерасторопна, не сбежала раньше или хотя бы не попыталась избежать этого вызова, придется идти, поскольку неулыбчивый мрачный человек в черном, принесший письмо и теперь стоявший на улице прямо под витринами моей лавки к вящему ужасу побледневшей Лики, наверняка дожидался именно меня.

– Рад, подопечная, что тебе хватило ума не надеть глупостей за эту неделю. Обычно новоиспеченные подопечные пытаются убежать или даже убить опекуна. Или хотя бы себя. Хотя, признаюсь, твоя строптивость мне нравилась больше.

– Господин Валдес...

– Опекун Угго, моя дорогая. Ты будешь называть меня именно так.

– Опекун Угго, я не строптива и благоразумна. Я только отстаивала свою честь. Полагаю, на моем месте Вы поступили бы так же.

Мне стоило больших трудов говорить со спокойным достоинством и всеми силами демонстрировать способность к сотрудничеству и компромиссу, хоть и смахивало мое поведение на покорное капитулирование. Но опекуна моя покорность, судя по всему, не устраивала и он попытался найти вызов даже в моих примирительных словах.

– Споришь? – довольно усмехнулся Валдес, разваливаясь в кресле. Меня привели не домой к магу, а в роскошный кабинет Главенствующего мага Имперского сыска, где ничто не свидетельствовало о роде его занятий, за исключением гобелена с изображением человека, мечущего молнии на какую-то жалкую козьявку в окружении знакомых мне знаков-рун, да нескольких странных амулетов, совершенно не вяжущихся с более чем богатой обстановкой кабинета. Потертые от долгого ношения амулеты – три камешка, наискосок перевязанные засаженными веревочками и зеленоватыми металлическими проволочками, были в ряд выложены на до блеска натертом столе, а длинные потрескавшиеся кожаные ремешки, продетые в ушки амулетов, аккуратно выровнены.

Все остальное было дорогим и безвкусным – богатые портьеры и ковры, мебель из красивого черного дерева, полупустые книжные полки. Даже мой нелюдимый провожатый в черном и тот казался неким элементом бездушного интерьера.

– Мне не к чему с Вами спорить, опекун Угго. Если Вы расскажите, в чем должны состоять мои обязанности, это облегчит нам...

– Раздевайся.

– Что?

Хорошо, если бы я ослышалась. Но нет.

– Я сказал – раздевайся. Снимай с себя одежду.

– Еще чего, – в ужасе прошептала я, скрещивая руки на груди и отступая на шаг назад. Все-таки я надеялась, что подобного не произойдет.

– Ты не слышала, что я тебе приказал? – ласково произнес Валдес. Вставая, он прихватил один из амулетиков, лежавших на столе, и подошел ко мне, – Я приказал – ты исполняешь.

– Я не стану раздеваться, – глухо сказала я, опуская голову. Бежать из запертого кабинета мне было некуда, до окна допрыгнуть я не успею, а с двумя мужчинами мне не справиться. Я трезво смотрела на свои шансы выпутаться из неприятного положения, но пальцы нащупали спрятанный в рукаве нож и отступить я не могла.

– Снимай одежду! – рявкнул маг прямо мне на ухо, отчего я вздрогнула всем телом, на мгновение сгорбилась, но потом выпрямилась и прошипела в ответ, тщательно выделяя каждое слово:

– Я – не – буду – раздеваться – для – тебя!

Мои пальцы уже впились в рукоятку ножа. Я не сдамся. Ни за что. Пусть только прикоснется ко мне.

– Прекрасно, – промурлыкал Валдес, обходя меня кругом и явно забавляясь, – Посмотрим, на сколько же тебя хватит.

Он поднял руку с качающимся на пальце длинным шнурком амулета. Я видела его прямо перед своими глазами – невзрачный бурый камешек, крест-накрест перевязанный промасленным куском конопляного шпагата. Ничего страшного.

Что бы ни означали слова Валдеса, но на несколько секунд я почувствовала облегчение. Он просто пугает меня. Проверяет на выдержку. Я должна сохранять спокойствие. Нож – это крайний случай, самый крайний... Возможно, Валдес не причинит мне вреда. Просто попугал – и хватит...

Наивная. Должна бы уже понять, что Валдес из тех, кто в покое не оставляет, пока вдоволь не наиграется.

Все началось с того, что моя кожа вдруг начала чесаться, сначала понемногу, а потом все больше. Каждый клочок моего тела раздирал страшный зуд, отчего через несколько секунд я уже не могла устоять на ногах. Я выронила нож, на который Валдес глянул безразлично и спокойно, а мужчина в черном аккуратно подобрал, не произнеся ни слова.

Стиснув руки в кулаки, я надеялась перетерпеть зуд, но тело мое само принялось пританцовывать и извиваться, чтобы хоть как-то сбить эту дурацкую чесотку. Еще через минуту, когда я, стиснув зубы, прижала руки к груди и затряслась, кожа стала не просто чесаться, но и гореть, полыхать, плавиться... Мои глаза по-прежнему не видели пламени, но осязание было более чем сбито с толку: я горела заживо! Боль нарастала и нарастала, пока я не закричала диким голосом и не рухнула на пол на колени с подвываниями.

– Одежда, – буднично подсказал маг, глядя на мои мучения, как на представление кукольного театра, – Она горит. Сбрось ее.

Я его едва слышала и едва понимала. Оглушенная, растерзанная болью, почти ослепшая, я принялась сдирать с себя теплый кафтан, немилосердно разорвав шнуровку, отшвырнула в сторону корсет, принялась стаскивать пышную белую рубаху... И тогда все закончилось. Жжение и зуд прекратились, а на теле моем не было и следа ожогов. Я стояла на коленях, обнаженная до пояса и жалко мяла в руках тонкое полотно рубахи, опустив голову.

Я сдалась. Я слишком слаба, чтобы ему сопротивляться.

– Теперь можешь одеться, – милостиво разрешил Валдес, не скрывая торжества и похотливого взгляда. Потом он с заметным удовлетворением наблюдал, как текут злые слезы по моим щекам и дрожат мои руки, пытающиеся затянуть завязки шнуровки на корсете.

Двумя пальцами холеной правой руки он приподнял мой подбородок и заставил смотреть прямо себе в глаза:

– Теперь ты понимаешь, что я могу с тобой сделать?

Я молча кивнула, глотая злые слезы и ненавидя себя за слабость. Правда, его ненавидя еще больше.

– Если я что-то приказываю сделать – делай, – нежно произнес Валдес, – пока не попробовала других моих угощений. Впрочем, тебе решать. Удовольствие мне ты можешь доставить двумя способами: исполняя все, что я прикажу, или сопротивляясь моим приказам. Но в последнем случае тебе будет намного больнее и противнее, а мне – приятнее.

Валдес дал мне несколько минут, дабы я сполна уяснила его слова. Именно так я поняла его молчание – он опять уселся в свое кресло за столом и долгое время задумчиво разглядывал меня, барабанив окольцованными пальцами по столу.

– Ты отнесешь эту вещицу к одному человеку и спрячешь в его доме, – маг подцепил лезвием ножа кожаный шнурок и поднял со стола второй из амулетов, потом вытянул руку в сторону и кивком подозвал человека в черном, – Тебя не должны видеть. Сделаешь это тайно.

– Я не умею тайно лазить в чужие дома, – прошептала я, с ужасом понимая, что слова мои опять отдают вызовом и сопротивлением.

– Ничего, научишься, – хмыкнул маг, – Это нетрудно. Пехеб тебя научит. И кстати, обращаясь ко мне, не забывай добавлять – «опекун Угго».

– Да... опекун Угго.

Валдес криво ухмыльнулся. Мое унижение его не беспокоило, но моя вынужденная покорность искренне его забавляла.

Между тем маг медленно положил в руки мужчине в черном амулет, а тот поспешно (слишком поспешно!) передал его мне, сбрасывая в мои ладони невзрачный серый камешек с дыркой посередине, словно это была готовая ужалить змея. За эти несколько секунд, которые понадобились ему, чтобы обойти стол и приблизиться ко мне, он побледнел, а на верхней губе его и на висках заметно повлажнело. Пехеб был крепким коренастым мужчиной, наверняка привыкшим к оружию и не склонный к сантиментам, но явно страшился магического амулета. Который я приняла безо всякого содрогания – просто теплый камешек с дырочкой и какими-то значками, нарисованными углем по краю.

Валдес удовлетворенно откинулся назад.

– Что ж, подопечная. Вот и проверим, на что ты годна. Пехеб ответит тебя, куда требуется, а ты должна всего лишь положить амулет в нужное место. Иди. И не забывай о моих уроках.

Он не шутил и не заигрывал. Он просто распоряжался мною, как своей собственностью. Он не спрашивал меня, кто я такая, откуда взялась, что делала раньше. Ему довольно было того, что я в его руках сейчас. И, боюсь, я ничегошеньки не могла этому противопоставить.

Если бы достойные жители благополучной Песчанки знали, куда собирается на ночь глядя благоразумная и уважаемая девица, которую они милостиво приютили в своих рядах, они наверняка бы содрогнулись от омерзения и возопили от негодования. Я и сама никак не могла поверить, что собираюсь влезть в чужой дом.

Но примерно в полночь дверь в мою лавку отворилась – к моему удивлению, не брякнув привычно входным колокольчиком, – и на пороге появилась фигура, которая и в любое другое время вызвала бы во мне суеверный ужас.

Пехеб был мужчиной невысокого роста, но широкоплечим и длинноруким, при этом голова его была несколько мелковата, а волосы (жиденькие пряди до плеч) на черепе располагались только по бокам, оставляя открытой и блестящей яйцеобразную макушку. Черты лица его тоже не отличались особой гармонией – при маленьких глазках и тонких губах у Пехеба был чудовищно большой толстый нос.

Но отнюдь не неправильные пропорции заставляли любого, кто взглянет на человека Валдеса, содрогаться, а мрачное и совершенно лишнее всяческих благожелательных чувств выражение лица. Очевидно было, что на сантименты, а также на глупых перепуганных девиц с клеймом на плече, ему было плевать.

А девица и вправду была порядком перепугана. Пусть я и не столь умна (была бы умной – в ловушку к Валдесу не попала бы), зато не наивна. Амулетик, который дал мне маг, простым не был. И даже то, что магическую вещицу всучил мне Главенствующий маг Имперского сыска, человек не просто не последний в Империи, но и призванный блюсти законность в ней, не избавляло от ощущения умело подстроеной гадости. Хорошие вещи не подбрасывают в

дома добропорядочным гражданам посреди ночи. А если такие люди, как Валдес и Пехеб, и подбрасывают «хорошие вещи», то наверняка с умыслом не добрым. Так что как ни крути, а оправдания я себе не могла найти даже в том, что выбора у меня нет. Это в книгах и балладах у героев всегда находятся силы, чтобы противостоять злу, но я ведь не героиня. Я одинока в чужом городе и беззащитна, потому что даже мой настойчивый до поры до времени кавалер, сэр Гари, панически сбежал от Валдеса и со времен бала ни разу не зашел в мою лавку. Мне не к кому было обратиться за помощью, потому что даже сведущий и многоопытный господин Олеус Митта вышвырнул меня за дверь. Я не могла рассказать ни о чем ни одному из благочестивых жителей милой Песчанки, поскольку им не дано тягаться с властью имущими Дарвазеи. Да и кто в здравом уме поверит в то, что Главенствующий маг Имперского сыска – последний из негодяев и печется отнюдь не о главенстве закона? А если даже и поверит на малую малость, то что он сможет сделать, чтобы помочь мне? Да и могу я просить кого-то о помощи, зная о склонности Валдеса к демонстрации «уроков»? Нет, я никому не хотела такой участи. Как и самой себе.

Я была предупреждена «опекуном Угго» о последствиях за неповиновение и вовсе не желала повторить урок, поскольку понимала, что Валдесу доставит удовольствие истязать меня и вряд ли он ограничится одним-единственным способом пытки. Так что меня никто и ничто не спасет, если я не сделаю это сама. Но пока я не нашла способа избавиться от клейма и его влияния, придется подчиниться правилам, устанавливаемым моим опекуном. Разве у меня есть другой выход?

Я не была уверена в том, насколько опасен амулет. Лично мне он не принес никакого вреда. Разумеется, я была слишком неопытна и несведуща, чтобы понять, какие магические силы скрыты в этом дурацком камушке, но ни на одно мое действие он не отозвался ничем более заметным, чем слабенькая щекотка в пальцах. Чем же он опасен? Или вовсе не опасен, а дело все в том, чтобы устроить проверку мне?

Полдня я косилась на амулет, как лошадь на волка в клетке. Поначалу я даже боялась брать его в руки, памятуя о реакции Пехеба, однако любопытство победило. Прикосновение к камешку не приносило мне никакого вреда – он не был ни холодным, ни горячим, ни жгучим, однако реакция все же была, и я долгое время пыталась определить какая же. Он просто раздражал меня, если я долго держала его на ладони, мне просто хотелось его отбросить в сторону, как нечто гадкое и вредоносное, вроде громадного паука, однако такая реакция была вызвана чем-то, что я не до конца понимаю, или воспоминаниями о том, как к амулету отнесся Пехеб, я не знала.

Я пристально рассматривала руны, небрежно изображенные на камне, и даже пыталась стереть их, однако ничего так и не случилось: если знаки и были нарисованы углем, то это был, наверное, какой-то очень особый, нестирающийся уголь.

Позже к вечеру, когда я вдоволь наигралась с новой игрушкой (чуть ли не на зуб пробовала ее), кое-что все же произошло. Я почувствовала, что могу определить, где находится амулет, даже не касаясь его. Чтобы проверить свою догадку, я закрывала глаза, крутилась вокруг собственной оси, останавливалась, не открывая глаз, и... Я знала, где лежит амулет, не глядя на него. Я чувствовала его, хотя и не могла понять, какими именно органами чувств воспринимала – ни зрение, ни обоняние, ни слух, ни осязание здесь были не при чем. И это чувство было намного сильнее того, что я ощущала при опытах с реликтами.

Выходит, я ощущаю всякие магические предметы, а не только реликты? Или только конкретно этот магический предмет? Мой магический опыт был столь мал, что я могла строить какие угодно предположения.

Но возня с амулетом помогла мне с пользой скоротать время – я и не заметила, что из лавки ушли все мои работники, что я осталась одна и что ночь на дворе.

Пехеб пришел незадолго до полуночи, но к тому времени я уже переделалась в темную, неброскую одежду. Мужчина хмуро покосился на мои башмаки с деревянными каблучками, но ничего не сказал. Он вообще не произнес ни слова, пока мы не добрались до места назначения.

На соседней с Песчанкой улице Белых Мимоз нас ждала наглухо закрытая карета, но поездка слишком долгой не была. Я даже не пыталась определить, куда мы едем, но наверняка не в трущобы. Когда карета остановилась и Пехеб приказал мне выйти, я обнаружила, что стою у низкой, скрытой плющом калитки. Высокие каменные стены, за которыми в темноте лишь угадывались контуры высокого здания, подтвердила мою догадку, что приехали мы куда-то под Жемчужные холмы в район особняков. Здесь не чувствовалась портовая вонь, или запахи других нищих окраин, но ехали мы куда меньше, чем нужно было для того, чтобы подняться на холмы. Значит, где-то у подножия холмов. О том, кто здесь живет, я могла только догадываться. Не бедняк и даже не середнячок, но не из высшей знати, это точно. Скорее всего, какой-то сановник. Человек, занимающий важный пост, или... Мои раздумья прервались в тот момент, когда калитка скрипнула.

На звук приближающейся кареты из калитки кто-то высунулся, и я чуть было не вздохнула с радостью: нас раскрыли, проникновение в дом отменяется. Однако вместо того, чтобы поднять шум и отпугнуть грабителей, человек, подобострастно кланяясь, предложил Пехебу поскорее пройти и... о, осторожно, мой господин, здесь ступенечка...

– Чей это дом? – тихо, но твердо спросила я. Пехеб, шедший позади, резко дернул меня за руку, но не подозревавший о наших разногласиях слуга боязливым шепотом ответил, настороженно посмотрев при этом по сторонам:

– Сэра Авруса Миленкия.

Имя это, по правде сказать, ничего мне не сказало. И я по-прежнему находилась в недоумении. Очевидно, Валдес просто-напросто решил устроить мне проверку на благонадежность.

В особняке все спали. Я видела горящие лампы на стыке коридоров, однако ни одна тень не мелькнула в их свете.

Мы пришли не в спальню, как я почему-то ожидала, а в кабинет, как я определила по количеству книжных полок, бюро и столов с письменными принадлежностями. В свете одной едва теплящейся лампы трудно было разглядеть подробности того, что скрывалось в темноте за кругом света, но я и старалась этого сделать. Скорей бы, скорей бы закончилась эта дурацкая проверка...

– Ты точно уверен, что маг Нуфур сюда не заходил? – хмуро спросил Пелех, вертя своей плешивой головой.

– Точно, точно, мой господин, – испуганно зашептал человек, отчаянно жестикулируя руками, – Он в спальне был, и на кухне был, и на конюшню ходил. Сказал, этого достаточно.

Пехеб окатил слугу тяжелым взглядом и осторожно прошел вперед, к креслу, стоявшему у стола. Потом он сделал странную вещь – ножом надрезал кожу сбоку на сидении. И позвал меня:

– Эй, ты. Клади амулет.

– Зачем это? – прошептала я, засовывая в дырочку небольшой камешек. Амулет отчаянно сопротивлялся конскому волосу, которым было набито сидение кресла.

– Не твоего бабьего ума это дело, – буркнул Пехеб, схватил меня за руку и вывел из кабинета в коридор, а оттуда и на лестницу. Из просторного холла мы вышли прямо на открытую террасу, заставленную кадками с фигурно подрезанным тисом. Потом спустились в сад.

Путь обратно до калитки мы проделали на удивление быстро. Я даже не заметила этого пути – мое сердце все еще глухо и отчаянно колотилось в груди. Как-то все произошло на диво просто и незатейливо. Просто пробрались в чужой дом, просто положили камешек в сидение кресла, просто вышли... Когда из темной мешанины полуголых по случаю холодной погоды

кустов на нас беззвучно бросились два громадных черных пса, я даже обрадовалась. Я не знала, чего хочу больше – убраться отсюда или поднять шум, чтобы нас заметили и задуманное Валдесом не сработало. Но наш провожатый грозно цыкнул на собак и те с жалобным поскуливанием отступили. Остаток нашего пути до самой калитки псы проделали вместе с нами, недобольно принохиваясь, но не осмеливаясь напасть. Я перевела дух.

У калитки Пехеб остановился, а меня подтолкнул к ожидающей неподалеку карете.

– Господин Валдес, как я надеюсь, не забудет моей скромной услуги, – медово-просительно проблеял слуга где-то за моей спиной и вдруг как-то странно кхекнул.

Я уже встала на ступеньку, собираясь сесть в карету, однако на странный звук обернулась.

Пехеб стоял за спиной слуги, душаще обхватывая его шею согнутой в локте ручищей. А потом другой рукой просто свернул голову человека на бок. Даже с подножки кареты я слышала этот омерзительный звук хруста костей... Тело мягко упало на землю, а Пехеб медленно обвел глазами верх каменной стены, за которой скрывался особняк, и спокойно отошел. Так же походя затолкал меня, столбом застывшую с разинутым ртом, внутрь кареты и уселся на сидение с видом человека, сделавшего привычное дело.

– Зачем ты его убил? – дрожащим шепотом спросила я, когда смогла наконец разомкнуть губы. Создатель, как же все это ужасно!

– Человек, предавший хозяина, большего не стоит, – снизошел до ответа Пехеб, когда я уже не чаяла его услышать.

– Но ведь он тебе помогал, а предать его заставил ты!

– Что это меняет? Предательство – оно всегда предательство.

Я промолчала. Пехеба я откровенно боялась и будь моя воля – держалась бы от него подальше, но тут он был прав. Не в смысле того, что предателя должно убить. А в том, что предательство – всегда предательство, как его ни назови. И как бы я ни убеждала себя, что у меня не было выбора, но подложив дрянной амулетик в кресло ничего не подозревающего человека, я поступила плохо. Как бы я ни успокаивала себя, что амулетик может быть вовсе и не опасным, я ведь предчувствовала худшее.

Я проявила непростительное малодушие, предала саму себя, пойдя на поводу у своего страха и чужого давления. Как это ни назови – это все равно предательство. И мне теперь с этим жить.

Ночная поездка совершенно выбила меня из колеи. Я заставляла себя улыбаться и кланяться одному за другим входящим в лавку клиентам, но думала только о том, каковы будут последствия моего поступка.

Я узнала о них через два дня, увидев достойного Габеаса Руппу, с печалью сидевшего на стульчике перед домом.

– Что случилось, господин Габеас? – воскликнула я, увидев уличного голову в непривычно удрученном состоянии.

– Да вот, – кхекнул старичок, – Тут один человек помер. Хороший был человек. Когда у меня еще были силы служить в Императорской военной палате оружейником, он частенько заказывал у меня клинки. Он еще мальчишкой был, а мечником был – будь здоров... Да-а... Эх... А за оружием всегда ко мне приходил. У тебя, говорил, Габеас, рука легкая. Твои клинки словно заговоренные...

Старик пустился в воспоминания, а я не могла найти причин прервать его и совсем было расстроилась, что теперь придется выслушивать любящего поболтать голову целый час, когда он назвал имя.

– Как вы сказали? – спохватилась я.

– Сэр Аврус, – охотно повторил старик, – Аврус Миленкий. Вот уж трудно поверить, что такой любящий пофехтовать человек станет самым бумажным человеком в стране – самим

господином Имперским Канцлером. По виду не скажешь, нет. Слышал я, на него даже разбойники как-то напали. А он самолично от них отбил. . .

– Как он умер? – быстро спросила я.

– Как? Да никак, обычный смертельный приступ. Шел себе, шел и упал. Не знаю. Никто не знает. Удар хватил, говорят. Сердце остановилось.

Приглашение от Валдеса я получила на следующий же день. К счастью, его принес не Пехеб, а молодой парень, с интересом и широкой улыбкой оглядевший оживившуюся при его появлении Лику. В последнее время в моей мастерской было непривычно тихо, и даже меня саму, слишком озабоченную, чтобы замечать чужое настроение, это не радовало. Я подозревала, что причиной этого затишья была я сама, но выяснять – означало бы нарваться на вопросы, а давать на них ответы я не хотела – правды все равно не скажу, а лжи в моей жизни и так было довольно.

Молодой парень уважительно именовал меня «госпожа Никки» и всю дорогу не переставал трепаться обо всем на свете, однако болтовня его не раздражала и не пугала. Я с удовольствием слушала о прибытии в порт южных кораблей, сокрушалась от известий о том, какой ущерб нанесло наводнение на равнине Наррот, хохотала над незатейливыми шутками, которыми молодой посыльный пересыпал свои рассказы. Очевидно, что малый был просто посыльным и в дела Валдеса не был вхож. Однако в кабинете Главенствующего мага Имперского сыска меня встретил, разумеется, Пехеб и настроение мое быстро упало вниз.

– Подопечная, – нарочито радостно приветствовал меня опекун Угго, не сделав при этом ни малейшего движения мне навстречу. Полуразвалившись в кресле за столом, с самодовольной улыбкой он смотрел, как я осторожно вхожу в кабинет, и оценивающе щурился. Одет был Валдес в превосходный темно-красный с черной отделкой камзол, покроем которого удачно подчеркивал ширину плеч, а цвет приятно гармонировал с жадной крови, столь явно демонстрируемой его носителем.

– Ты неплохо себя показала, дорогуша. Я вполне доволен. Я же говорил, что мы неплохо сработаемся. Хотя Пехеб говорит, что тебе доверять нельзя. Правда, Пехеб?

– Сэр Аврус Миленкий умер из-за того амулета? – невежливо перебила я «опекуну Угго», не глядя на Пехеба и не дожидаясь его подгавкивания.

– Похвально, – осклабился Валдес, – Неужели ты это поняла?

Я проглотила издевку и пожала плечами.

– Представьте себе, поняла. Мы забираемся в чужой дом, заходим в комнату, в которой не был какой-то маг, подкладываем гадкий амулет, а после этого хозяин дома умирает. Надо быть последней душой, чтобы не сообразить.

– Да, ты не дура, – задумчиво подтвердил Валдес, сложив пальцы «домиком» и слегка поигрывая ими. Глаза мага стали колючими, но предупреждению я не вняла.

– Аврус Миленкий – Имперский Канцлер! Это же фигура, правда? – злость так и перла из меня, – Чем он Вам мешал? За что Вы его убили?

Глаза Валдеса стали совсем злыми, однако на губах зазмеилась презрительная улыбка:

– Убил, дорогуша? Кто тебе сказал, что его убил я? Это сделала ты.

Такая простая и кристально чистая мысль как-то попросту не пришла мне в голову. Потому и поразила меня словно обухом по голове. Меж тем маг продолжал, бросая слова со смачным пришепетыванием, словно обливая меня деликатесной грязью:

– Любой магический предмет оставляет след, дорогуша, след от прикосновения. Знающий маг, найдя в кресле Авруса зловредный и полностью разряженный амулет – а его уже нашли, моя дорогая подопечная, – без особого труда определит ауру мага, который касался его. То есть, убийцы. То есть, твою. Пехеб и любой другой человек, не обладающий даром, следов

на амулете не оставили. Если бы они подольше подержали амулет у себя, как ты, например, они бы просто подошли, как бедняга Аврус. Но следов такие, как он, не оставляют.

Он весело рассмеялся, глядя на Пехеба. Слуга же непроницаемо смотрел перед собой, никак не реагируя на насмешку.

– Но Вы? Вы ведь тоже касались амулета! – с отчаянием воскликнула я.

– Касался? О, неужели?

И тут я вспомнила, как Валдес приподнял амулет за шнурок, на котором этот камешек висел, лезвием ножа. Он и вправду не касался его руками. В отличие от меня.

– А маг до Вас?

– А это, моя милая, очень хороший вопрос, – опекун Угго искренне забавлялся моим отчаянием, но глаза его оставались злыми, – Долгое время этот амулет хранился у сэра Морланда Вэлла, одного из нынешних фаворитов нашего несравненного Императора. То, что сэр Морланд подстроил смерть одного из своих ярких придворных противников, никого не удивит. И уничтожит его самого, даже если кто-нибудь сумеет доказать, что сэр Морланд не виновен. Я никогда не любил засранца Авруса, но Морланда не люблю еще больше.

– Моими руками разделаться сразу с двумя противниками? Умно, – хмуро ответила я, – Но разве не Ваше клеймо стоит у меня на плече? Разве любой, кто увидит его, не свяжет меня с Вами?

– Дорогуша, подделать клеймо не так сложно, к тому же оно слишком свежее и сразу же вызовет подозрения, если кому-то захочется тебе поверить. Но если ты будешь хорошей девочкой и никогда не откроешь свой поганый ротик, о твоём участии в подкладывании амулета будем знать только мы трое. Твоя аура никому пока не известна, поэтому если не засветишься где-нибудь еще, тебя никто не найдет и не узнает. Для всех виновным будет оставаться сэр Морланд. Но если ты решишь, что быть заодно с опекуном Угго тебе не выгодно, и обратишься к любому другому магу мне во вред, вспомни, что я – Главенствующий маг Имперского сыска. Искать таких уродцев, как ты, моя работа. Я разоблачу тебя перед всем честным народом и полюбуюсь, как тебя вешают. Уяснила?

Мне только и оставалось, что горестно кивнуть. Валдес связал меня по рукам и ногам, а я любезно подавала ему веревки покрепче.

– Милочка, а чего это сыскари около тебя крутятся? Случилось что? – обычно приветливо улыбающаяся Дорота была хмурой и раздраженной.

– Случилось? О нет, нет! Я просто еще раз пыталась... узнать о своем прошлом.

Вопрос застигнул меня врасплох. Точнее, не вопрос, а тон, которым он был задан. Необъятный чепец Дороты слегка сбил набок, приоткрывая левый висок и часть лба больше обычного, однако глаза толстухи светлее от этого не стали. Впрочем, заглянуть ей в глаза я так и не смогла – Дорота старательно отводила взгляд. Это было совершенно на нее непохоже. И мои слова ее не слишком убедили.

– Сыскари никогда еще не приходили на Песчанку, – обвиняюще произнесла она, поджимая пухлые губы.

Мне на это нечего было сказать, хотя стоило, наверное, побыстрее и поубедительнее уверить добрую стряпуху, что все неправда, что скоро все уладится, что ни одна нога сыскаря не ступит больше на достойную всяческого уважения улицу... Но я не сказала, и Дорота, горестно покачав головой, удалилась, смешно перекатывая с ноги на ногу свое большое грузное тело.

А я тяжело вздохнула. До сих пор я не осознавала, сколь много значит для меня доброе отношение Дороты, да и других жителей Песчанки. Меня приютили, ко мне были добры, мне только и надо было в ответ сохранять их лелеемое спокойствие и благополучие.

Увы, в последнее время я все чаще становилась предметом неприятных разговоров, хотя даже не понимала, откуда идут все эти слухи. Как-то ведь жители Песчанки узнали в молодом парне, принесшем письмо от Валдеса, сыскаря? На нем не было ни мундира, ни бляхи...

Хуже пошли дела и в лавке. Поначалу сочувствующее и даже жалостливое отношение ко мне Ликанеи, моих мастериц-вышивальщиц и двух приказчиков постепенно сменилось насто-роженным.

Я не знала даже, что бродит в их умах, что они про меня напридумывали, возможно, прознали что-то нехорошее про бал, но я все чаще замечала отводимый взгляд, неловкость и запинания в разговоре. Как долго они останутся в моей мастерской? Если я не развею их сомнений, то недолго.

Понимаю, в последнее время я была не слишком приветлива – на меня свалилось чересчур сильное потрясение. Но грубой и раздраженной я никогда не была даже в худшее время. С моего лица сошла улыбка, однако и злых слов никто от меня не слышал. Казалось бы, отчего горевать?

Но за эти пару недель в лавке неуловимо изменилась атмосфера – не было больше шуток, хохота и песен, да и клиентов стало меньше, что, впрочем, совсем еще не говорило об упадке, ибо после Осеннего бала вплоть до весны клиентов всегда меньше обычного.

Однажды поздно вечером, оставшись одна и заперев входную дверь лавки, я оглянулась по сторонам и подумала, что вложила в свою мастерскую слишком много сил и любви, чтобы отказаться от нее просто из-за того, что некоему Главенствующему магу Имперского Сыска взбрело в голову разрушить мою жизнь. Люди, работавшие на меня, приютившие меня на Песчаной улице, просто принявшие меня со всей добротой, не повинны в том, что у сэра Угго Валдеса непомерные амбиции и непреходящее желание поквитаться со своими соперниками, и в этом он вынуждает меня ему помогать способом преступным и достойным только осуждения. Эта сторона моей жизни не должна и никогда не будет касаться людей, которым я обязана дружбой и уважением.

Я долго думала об этом.

И решила одно: если иначе нельзя, с этих пор у меня будет две жизни, а я научусь управлять ими, как возница управляется со строптивой парой лошадей. Раз я не могу отделаться от Валдеса, я воспользуюсь его именем, но не сдамся. Я не позволю ему разрушить мою жизнь.

На следующий же день я собрала большой увесистый сверток, сложив его так, чтобы был заметен краешек расшитого золотом дорогого черного сукна, и шепотом сообщила хмурой Ликанеи, без особого энтузиазма пересчитывающей дневную выручку:

– Дорогая, никому не говори, куда я пошла. Я скажу об этом только тебе. Сам сэр Угго Валдес, Главенствующий маг Имперского сыска, заказал мне лично расшить ему камзол. Вот, – я показала краешек шитья и немедленно спрятала, – Если ему понравится моя работа, он даст мне еще заказы. Пожелай мне удачи.

Лица возбужденно вскрикнула и быстро прикрыла ладошкой рот. Глаза ее горели.

– Это же здорово! Так на балу... хм...

Она опять стушевалась, а я с сожалением поняла, что была права: слухи о скандале на Осеннем балу дошли и до Песчанки.

– Мы вполне подружились с сэром Угго, – заговорщическим шепотом сообщила я, – А сэр Гари – осел, каких поискать.

Правильно я сделала или нет – время покажет, но вид повеселевшей Лики вселил в меня надежду. Я все-таки заставлю «опекуна Угго» поправить дела в моей лавке – он таки закажет у меня работу и пресечет на корню слухи!

Однако теперь следовало решить и другие безотлагательные дела.

Теперь, когда я худо-бедно смирилась с зависимым от Валдеса положением и его вмешательством в мои дела, я должна была определиться и с реликтами, до сих пор хранившимися в

кладовой позади моей мастерской. Я не могла их там держать и не хотела. Я боялась, что опекун Угго как-то прознает про ценные магические вещи и отберет их у меня. Нет, он просто заставит меня принести их ему. И я наверняка это сделаю. По какой-то странной причине мне не хотелось отдавать опекуну реликты: по большому счету мне не было до них дела, они были не моими и их ценность для меня ничего не значила, но отдать их Валдесу означало примерно то же, что подарить котенка негодяю, который сознательно уморит несчастное животное голодом.

А потому я колебалась не долго. Несмотря на неприветливый прием, который оказал мне несколько дней назад старый Олеус, я заставлю его выслушать меня, даже если он опять захлопнет передо мной дверь. Стены в том доме хлипкие и тонкие, и если он не желает, чтобы я громко рассказывала обо всем, стоя на лестнице, ему придется впустить меня внутрь!

С таким настроением я и пришла на Колесную улицу, держа под мышкой увесистый сверток, в котором помимо с краю расшитого золотом отреза черного сукна лежали завернутые в тряпицы семь разных предметов. Я намерена была отдать (причем совершенно даром!) эти предметы в хорошие руки, чего бы там не напридумывал обо мне достопочтенный господин Олеус Митта. Однако план мой треснул по швам уже на подступах к жалкой комнатке старика. Ибо входная дверь не просто не была заперта, но оказалась призывно распахнутой настежь.

Комнатушка и вправду оказалась невзрачной, как я и предполагала. Очевидно, когда-то господин Олеус Митта проживал в жилище куда более достойном и просторном, ибо сейчас все его вещи едва находили себе место в этом крохотном помещенье. Стопки книг высились от пола до потолка в несколько рядов, полностью закрывая две стены; внушительный дорожный сундук заменял стол, на котором рядом с письменными приборами и лампой стояли миска, чашка и ложка. Окошко в комнате было таким же крохотным, как и все остальное, к тому же его наполовину закрывали книги и свитки. Выцветшая полотняная занавеска закрывала закуток в углу – с постелью, надо полагать. Камина не было, очевидно, зимой здесь бывало ужасно холодно...

Хозяина в комнате не было и это меня удивило. Возможно, в комнатке и не было особо ценных вещей и красть здесь нечего, да и замок на такой хлипкой двери при желании не трудно взломать, однако Олеус не показался мне человеком легкомысленным. Рассеянным и забывчивым – да, но не легкомысленным: вряд ли он, уходя, забыл запереть дверь своей комнаты.

Я подошла к занавеске и осторожно заглянула за нее. Конечно, старик мог просто спать посреди дня, да и в полумраке закутка поначалу трудно было что-либо различить, кроме внушительного бугорка накрытого одеялом тела, лежащего на постели... Я прошла вперед и тут же попятилась назад, с трудом заглушая так и норовящий вырваться наружу крик.

Старик был мертв. И если сначала я лелеяла какую-то надежду, что он спит, то разможенная голова и бурые пятна крови на постели быстро развеяли мои сомнения.

Не знаю, сколько я так простояла посреди комнаты, оглушенная и неподвижная. Я не могла сдвинуться с места и только нервно прижимала к груди мягкий объемистый сверток. Потом в голову стали приходиться и неизбежные вопросы: кто убил да почему? Воришка, польстившийся на скудное богатство старика? Или дело было в другом, ибо пусть в комнате и не было порядка, однако и явного бардака, свидетельствующего о поисках ценностей, тоже не было? Кому мешал господин Олеус? И теперь я по-новому могла себе задать прежний вопрос: почему он так странно вел себя в прошлый раз? У него в комнате кто-то был? Тот, кому не следовало знать о реликтах, а я так глупо выдала тайну сама? Но если бы этот неизвестный узнал обо мне, то ко мне бы и пришел. Зачем же убивать старика? Или все же...

Вероятность того, что к смерти старика как-то причастна я сама, неприятно поразила меня и напугала. А страх вернул мне подвижность. Я попятилась назад, все еще не смея оторвать взгляд от занавески, за которой скрывалось страшное зрелище, но уже нестерпимо желая

побыстрее убраться отсюда вон. Да-да, быстрее вон! Я сделала еще шаг... и спиной уперлась во что-то мягкое. И резко обернулась.

Передо мной стоял незнакомый мужчина.

Я поспешно отпрыгнула назад, хотя в крохотной комнатухе, заваленной книгами, сделать это было практически невозможно, и вновь оказалась перед незнакомцем. Как он мог так тихо подобраться, что я ничего не услышала?

Между тем он тоже не стоял на месте, а широко шагнул и грубо схватил меня за руку. Я почувствовала неприятную... щекотку, что ли? Зуд? Еще месяц назад я не обратила бы на это внимание и уж точно не знала, что это такое. Теперь знала – это магия. Незнакомец был магом. Ох, еще одним магом... Я с испугом вырвалась и отступила назад, вжавшись спиной в стопку книг и прикрываясь своим свертком. А дальше, увы, бежать было некуда.

– Кто ты такая? – раздраженно и зло спросил мужчина, нависая надо мной. Росту он был не гигантского, да и плечами не раздавался вширь, как борец, однако был крепок и мощен, отчего рядом с ним я казалась совсем скромной пичужкой. Незнакомец выглядел довольно привлекательным, если кому нравятся мужчины с крупными чертами лица; и выдающийся нос, и подбородок с ямочкой, и выразительные губы, и даже густые брови его казались небрежно наклепанными на большую голову, однако общее впечатление это не портило. Впрочем, я почти не заметила его привлекательности. Я видела только сверкающие неприязнью голубые глаза, так и норовящие прожечь во мне дыры своим огнем.

– Никки, – сдержанно ответила я.

– Никки... и что? – он уперся руками в стопки книг по обе стороны моего тела, обездвижив меня таким образом и не давая улизнуть.

– Никки и все, – рассердилась я, – По какому праву ты спрашиваешь?

По моему разумению, ответная грубость должна была показать, что со мной не стоит разговаривать так бесцеремонно, однако незнакомца соображения вежливости, судя по всему, совсем не интересовали.

– Вот что, барышня, – еще пуще рассердился он и опять схватил меня за руку, – Ты или говоришь мне, что сделала с Олеусом, или...

Тут он остановился на полуслове, озадаченно глядя на меня.

– Я ничего не сделала! – обиженно заявила я, ловко вывернулась из его пальцев и спустя мгновение уже стояла у него за спиной, – Я только что пришла. И он уже был мертв!

– Допустим, – после некоторой паузы хмуро согласился незнакомец, шагнул в закуток, подошел к телу и бестрепетно коснулся его, – Точно, совсем остыл. Так что ты здесь делаешь?

– А ты?

Мужчина смерил меня оценивающим взглядом, и неожиданно кривая ухмылка перекроила его лицо.

– А я его сын. Ленни. Старик не рассказывал обо мне?

Я покачала головой.

– Я ничего о нем не знала. Он заходил ко мне в лавку, там мы и познакомились. Я принесла ему...

И тут я запнулась. Олеус – это одно, ему я доверяла. А доверять его сыну поводов пока у меня не было. Хватит с меня подозрительных знакомств! А сын этот, признаться, выглядел очень уж подозрительно.

– ...камзол, – я сунула сверток под нос Ленни, надеясь, что проверять он не станет. И правда, от столь прозаичных вещей он поморщился и отвернулся, – Я швея и вышивальщица. У меня мастерская и лавка. Занятная безделица.

– Какая безделица? – круто развернулся Ленни и из-под широких бровей настороженно осмотрел пространство вокруг меня.

– Занятная. Лавка так моя называется – «Занятная безделица».

Маг, похоже, тут же потерял ко мне интерес, и я решила, что пора сбегать. Мне было очень жаль старика, и я готова была помочь в его погребении, но это дело родственников, а сын Олеуса, судя по всему, в моей помощи не нуждался. И я осторожно, стараясь ступать беззвучно и не привлекать внимание Ленни, попятилась назад к входной двери, ломая голову над тем, что же мне делать с реликтами. Возможно, чуть позже, если я познакомлюсь с Ленни получше и решу, что он достоин доверия... Но пока я не желала новых знакомств. Боком я задела стопку книг, стоявшую с краю и, очевидно, слишком неустойчиво. Сверху мне на голову посыпался ворох старых пожелтевших листков и сухих скрученных в трубочку свитков. За шиворот проскользнуло что-то трепещущее... А может и нет. Но я дико заорала, отскочила, при этом отшвырнув сверток, и попыталась обеими руками достать то, что упало мне за воротник. Это был просто клочок сухой бумаги, но в два прыжка Ленни оказался рядом и схватил меня за плечи:

– Куда это ты собралась?

Ожог на моем плече все еще болел, я взвизгнула, выворачиваясь из чужой хватки и отталкивая мужчину... А затем взгляд мой упал на сверток, который от удара развернулся. На полу лежало несколько узелков – то были тщательно завернутые в белую тряпицу реликтами. Мужчина проследил за моим раздосадованным взглядом, отпустил меня и присел на корточки над свертком. Надо было, наверное, подскочить, хватить узелки, уболтать мужчину тем, что это пуговицы... Но ничего этого я не сделала.

Я стояла на месте и молча смотрела, как он развязывает узелки, раздвигает ткань и раскладывает на полу семь таких разных, но таких единичных по своей сути предметов. Маг сразу понял, что это такое. Но взял в руки только жезл.

– Откуда это у тебя?

В его ровном голосе не было и следа эмоций. В конце концов, подумала я, он ведь сын Олеуса, а старик был моей последней надеждой. А еще Ленни – маг, и я бы с удовольствием расспросила его о том, о сем...

– Я нашла их среди вещей старого Коба, – со вздохом пояснила я, – Я купила лавку после его смерти и переделала в золотошвейную мастерскую. А вещи оставались у меня.

– Лавка Коба, – с удивленной улыбкой Ленни устроился на полу поудобнее и даже прислонился спиной к стопке книг, – Как я не догадался! Я искал лавку Коба. Но мне сказали, что такой нет. А надо было спросить, где она была раньше!

– Но зачем спрашивать? Олеус ведь знал об этом! Он приходил ко мне как раз накануне Йердаса...

И тут нехорошие подозрения разом всколыхнулись во мне. Я попятилась назад, раздумывая, какого дурака сваяла, доверившись этому мужчине, о родстве которого с Олеусом знала только с его слов.

Но Ленни, нимало не смутившись, охотно пояснил:

– В последнее время я не часто виделся с отцом. Меня здесь не было долгое время. Точнее, четыре месяца. Я приехал только вчера. Так ты принесла это моему отцу? Ты знаешь, что это такое?

Я медленно кивнула. Настал черед решить, сколько всего я могу ему рассказать. Ленни производил впечатление человека решительного и, несмотря на молодость (а на вид было ему лет двадцать пять, от силы тридцать), опытного, искушенного и крайне самоуверенного. А еще он был не прост, далеко не прост, и меня даже беспокоил этот его оценивающий и въедливый взгляд.

То, как он говорил, как ловко передвигался по тесной комнатухе, как привычно насто-раживался при каждом странном звуке извне, да и длинный кинжал, висевший у него на поясе, говорили о его богатом прошлом. Прошлом человека, ведшего отнюдь не спокойную жизнь землепашца или кузнеца. Лишь на первый взгляд Ленни мог показаться простоватым и стес-

ненным в средствах. Его поношенный кожаный жилет был кое-где подлатан, ремешок на шнуровке пестрил узелками, а с длинного потертого плаща безуспешно пытались стереть следы множества дорожных пятен. Но за отворотом узорчатого бархатного пояса Ленни виднелись богато украшенные ножны, а на пальце загадочно мерцал темно-синий крупный квадратный камень, заключенный в оправу потемневшей от времени серебряной печатки – вещь, очевидно, совсем не из дешевых. Ноги мужчины были обуты в грязные, замызганные сапоги, в которых даже мой не слишком искушенный взгляд признал прекрасный крой и отличной выделки кожу.

Так чем же, собственно, Ленни занимался, если вспомнить к тому же его магические способности? Кто он такой?

Впрочем, сейчас я задавалась лишь малой толикой вопросов, возникших у меня при виде Ленни, и главный из них – могу ли я доверить ему реликты? Я не хотела бы вынести эти магические ценности из-под носа Валдеса и отдать другому проходимцу рангом поменьше.

– Да, – наконец решила я, – это реликты. Олеус спрашивал меня об этом жезле. Я его нашла в вещах Коба, но ничего о нем не знаю.

– Ничего?

– Ничего, – искренне подтвердила я.

Опять этот недоверчиво-въедливый взгляд.

– Я заберу их, – укладывая реликты обратно в тряпицу и затягивая ее в аккуратный узелок, Ленни поглядывал на меня снизу вверх, словно решая, собираюсь ли я ему помешать. Я не мешала. Реликты мне самой нужны не были, а отдать их Ленни все лучше, чем Валдесу. Впрочем, я могла ошибаться, но старалась не думать об этом.

– Что ты за них хочешь?

– Что я хочу?

Мое удивление вызвало ответное раздражение:

– Ну ты же принесла продать реликты?

Ах, да. Очевидно, простодушие в список достоинств Ленни не входило, и он не мог даже представить, что я могла бы отдать такие ценные вещи даром. А возможно, он прав куда больше, чем я могла предположить. И мне следовало воспользоваться предложением.

– Ну... мне нужны ответы, – пробормотала я.

Ленни – маг, возможно, именно он сможет мне рассказать о магии, магах, Гильдии и всяких клеймах, чтобы я могла хоть как-то противостоять Валдесу. Просить помощи против моего опекуна наверняка бесполезно – пусть Ленни и выглядел бывалым, но тягаться с Главенствующим магом Имперского сыска он не сможет, да и не станет. Надеюсь, реликты – вещи достаточно ценные, чтобы просить у него хоть какой-то помощи...

Однако определиться со стоимостью моего товара я не успела, поскольку Ленни вдруг вскочил с места, подбежал к окну и выглянул наружу. Чтобы посмотреть вниз, ему пришлось прижаться к грязному и весьма неровному дешевому стеклу щекой. Но после нескольких секунд разглядывания того, что привлекло его внимание, Ленни бросился назад, выдергивая меня из недоумения резким рывком за руку.

– Нам нужно уходить, – отрывисто произнес он.

– Но почему? – я медлила и упиралась ногами, пока он одной рукой запикивал реликты себе за пазуху. Потом Ленни бросил быстрый взгляд на полотняную занавеску, и я ужаснулась: какой бесчувственной же я стала, если ни разу даже не вспомнила о мертвом старике!

– Ему мы уже ничем не поможем, – словно узнав, о чем я думаю, мрачно сказал Ленни и, воспользовавшись моим замешательством, потащил меня вверх по шаткой лестнице на крышу. Внизу послышался какой-то громкий топот.

– Я не полезу, – взвизгнула я, – Объясни...

– Видишь ли, детка, – не обращая внимания на мое сопротивление, Ленни толкнул заскрипевшую покосившуюся дверцу и потянул меня за собой, – Не знаю, как ты, а я совсем не хочу встречаться с громилами из Имперского сыска в комнате с убитым человеком.

– Валдес! – с ужасом выдохнула я и выпрыгнула на крышу даже раньше Ленни.

Я видела Вельм разным – бедным и богатым, заносчивым и смиренным. Здесь он блистал чистотой и порядком, а там утопал в грязи – чтобы убедиться в этом достаточно было просто завернуть за угол и оказаться в трущобах. Богатые кварталы Вельма украшали позеленевшие от времени статуи и красивые фонарные столбы, кварталы попроще довольствовались незатейливо украшенными цветочными лавками, а нищие блистали горами нечистот, взбитых тысячами подошв, копыт и колес – такова была столица славной империи Дарвазая и в столь разительных контрастах не было ничего удивительного. Ароматы роз и левкоев у Жемчужных холмов напрочь отбивались вонью протухшей рыбы у порта. И достаточно было пройти по мосткам через Лакстонский канал, чтобы оказаться в городе, столь же непохожем на ухоженную Песчанку, как дрянное, заношенное платье на аккуратно расшитый камзол. Я видела Вельм разным, ведь я прожила здесь два года и даже успела полюбить его.

Но я никогда еще не смотрела на Вельм с этой стороны, то есть со стороны крыш. А посмотреть было на что. Весь в разноцветных заплатках, островерхий и испещренный столбиками труб, Вельм казался одной большой и неровной дорогой с обрывами по краям. Вниз лучше было не заглядывать, внизу была толчея и грязь, а здесь была воля, скаты крыш, птицы и кошки, провожающие нас неприязненными взглядами хозяев, обнаруживших покусение на свою территорию.

Нам приходилось прыгать с крыши на крышу или скатываться по полусгнившей черепице – и тогда я просто закрывала глаза и со стоном ухала вниз, нам приходилось ползти между трубами и какими-то ветхими постройками, норовящими обрушиться прямо на голову, нам приходилось карабкаться по скатам, держась за жалкий поребрик, или нырять под паруса колышущегося на ветру сохнущего белья. Кое-где нас догоняли кошачьи вопли или гневные крики рассерженных домохозяек, а все больше тяжелый топот и злобная ругань... Один раз проем между домами был так велик, что я в испуге замерла, не решаясь перепрыгнуть. Да так основательно замерла, что понукавший меня Ленни грозно рывкнул. И это не помогло. Три этажа дома казались мне бесконечной пропастью, в которую упала моя решимость. Нет, я не могу. Режьте меня, но не могу...

– Никки, а почему Валдес? – неожиданно резко спросил Ленни.

И это меня проняло.

Мысль о преследователях и особенно об их главе заставила меня почему-то резко взбодриться – я приподняла юбки на неприличную высоту, разогналась и с легкостью бодливой козы перепрыгнула через препятствие.

От преследования мы оторвались нескоро, однако наверняка. Когда мы спустились вниз и быстро шли по улице, стараясь не привлекать к себе излишнего внимания (что сделать было трудно, ибо были мы с ног до головы перепачканы грязью), Ленни повторил свой вопрос:

– Так что там у тебя с Валдесом?

Я тяжело вздохнула и рассказала своему спутнику, что меня связывает с Главенствующим магом Имперского сыска.

– Подопечная Валдеса? – Ленни смотрел на меня со смесью ужаса и восхищения и даже остановился посреди улицы, вызвав небольшой переполох в движении двух конных колясок, – У тебя странный вкус.

– Это у Валдеса странный вкус, – буркнула я, не обращая ни малейшего внимания на ругань, сыплющуюся на нас с козел одной из колясок.

– Ну, я бы не сказал, – все еще восхищенно осклабясь, Ленни оглядел меня сверху до низу, отчего я даже слегка покраснела, – Скажу больше, я был о нем худшего мнения, но раз он нашел тебя и заарканил, придется признать в нем противника более сильного и умного, чем я ожидал.

Слова его мало смахивали на комплимент, поэтому я надулась и отвернулась.

– Ну ладно, шутки в сторону, – куда более серьезно произнес Ленни за моей спиной, – Что будем делать дальше?

– Не знаю, – печально ответила я и пожала плечами. Мне давно пора было вернуться в мастерскую, поэтому я просто добавила, – Я иду домой.

– Мы еще увидимся, – тихо сказал Ленни мне на ухо, – За мной ведь должок.

Я нахмурилась и обернулась... За моей спиной никого уже не было.

Прошло три дня. По сравнению с предыдущими они были на диво спокойными и даже вполне успешными, но если бы я знала, что ждет меня впереди, с оценками бы поостереглась.

За эти три дня мы поменяли витрины в лавке и немного расширили место в мастерской, вынеся ненужные вещи в несколько опустевшую кладовую – старый, никуда негодный хлам из последней я приказала выбросить. С прибывшего на днях корабля мне доставили заказанные еще летом рулоны шелка, новые ленты, шнуры и нитки – и восторг от нового, восхитительно модного товара растопил сердца моих мастериц, особенно после того, как каждой из них я подарила по рулону отличного полотна и коробке лент. Время затишья, обычно бывающего в это время года, мы решили использовать на наведение порядка и придумывание новых узоров для вышивки – весенний сезон был не за горами, и мы готовились встретить его во всеоружии. Казалось, лавка моя получила второе рождение.

И я больше не изводила себя прежним отчаянием: с магией и любимыми магическими предметами покончено – а значит, никому меня не уличить в чем-то незаконном; Валдес больше не объявлялся, но если объявится, я постараюсь поскорее разделаться с его «заданием» и вернуться к своей привычной жизни. Если это, конечно, удастся. Но об этом я старалась не думать.

Ленни тоже не давал о себе знать. Время от времени я вспоминала о нем – странный и непонятный человек, он беспокоил меня, а потому я даже была рада, что он не появляется, хотя по-прежнему нуждалась в знаниях о том, как противостоять Валдесу.

Итак, жизнь медленно и со скрипом, но входила в прежнюю, как мне казалось, колею. И если я была излишне, можно сказать, даже нервно бодра, то это приписывали тем новым планам, которые я собиралась осуществлять в своей мастерской.

Вечером третьего дня мое спокойствие рухнуло.

Колокольчик возвестил о приходе нового посетителя, когда я уже собиралась запирать дверь. О чем я и собиралась сказать позднему клиенту, однако так и не вымолвила ни слова, поскольку вид человека не оставлял сомнений: рюшечки и бантики ему не нужны. У меня привычно скрутило холодком в животе.

– Вы хозяйка? – резким непререкаемым голосом осведомился некий сухощавый господин средних лет в безупречно пошитом дорогом камзоле и накинутым поверх него безупречно отутюженном коротком плаще. Шляпы на незнакомце не было и мне тут же бросилась в глаза весьма необычная для здешних мест прическа. Точнее, полное отсутствие таковой. Его волосы были очень коротко острижены и торчали коротким седоватым ежиком примерно с ноготь длиной. В Вельме считалось нормой для уважающих себя мужчин ношение длинных волос, обычно закальваемых сзади у шеи или на затылке, а иногда и завитых. Средней длины волосы, точнее, обрезанные под горшок, были признаком ремесленников, а совсем короткие – бывших узников, которых в темнице обычно просто обривали налысо.

Полулысая голова и богатый камзол настолько не вязались между собой, что у меня возникло огромное искушение соврать и назваться собственной же служанкой. Но я отмела в сторону слабость.

– Да, – с достоинством ответила я, однако достоинство мое не произвело на гостя ни малейшего впечатления.

– Отдай мне жезл, – без предисловия просто сказал он и протянул руку.

Я нервно хихикнула и тут же осеклась. Смотрелся незнакомец довольно сурово – худой, подтянутый, лет сорока пяти, с не улыбочивым бесстрастным лицом и жесткими манерами, не признающими никакой слабости. Он явно привык получать то, чего желал. А теперь на его пути стояла я. Отодвинет меня в сторону?

– Какой жезл? – попыталась схитрить я. Интересно, а откуда...

– Не выношу лицемерия, – со смачным презрением сказал незнакомец и сделал шаг вперед, а я обессилено прислонилась спиной к прилавку, – Ты или отдаешь мне жезл, девица, или я найду его сам, но в таком случае тебе будет очень больно.

Угроз в последнее время я слышала довольно, а потому повела себя совершенно необычно.

– Ищите! – нервно взвизгнула я и обвела руками лавку, – Ищите где угодно! У меня его нет!

Поверил он или нет, но остановился на полпути.

– Тогда где он?

Спросил он ровно и бесстрастно, но мне почему-то казалось, что он ровными полосками срезает кожу с моего тела.

– Я отнесла его Олеусу Митте!

– Ты лжешь, – в глазах его скользнула неуверенность, однако он все равно сделал шаг вперед, – Ты не могла отдать его Олеусу.

Мой ужас почти перерос в неконтролируемую панику, но я храбро оторвалась от прилавка и даже сделала на деревянных ногах шаг навстречу угрозе:

– Что значит лжешь? С какой стати мне лгать? Эта дурацкая палка мне не нужна. Олеус просил меня принести – я принесла. И нечего меня здесь запугивать!

– Я тебя еще не запугивал, – мрачно сообщил гость, глядя на меня сумрачными глазами, – Когда ты отдала ему жезл?

– Ээ-э... шесть дней назад, – поспешно ответила я, пересчитывая в уме последние даты.

– Шесть дней?

Невозмутимость гостя дала трещину, но праздновать победу было рано. Я чувствовала, как меня прошиб холодный пот.

– Он же тебя выгнал.

Так это он там, у Олеуса был! Вот почему старик не позволил мне войти! Может, потому его и убили? Догадка молнией мелькнула в моей голове и едва не лишила меня самообладания. Но не лишила.

– А я вернулась, – с вызовом сообщила я, – Мне очень нужны были деньги.

Тут в глазах гостя загорелся победный огонек, и он немедленно задал следующий вопрос, полагая, что уличит меня во лжи:

– Он заплатил тебе? Нищий Олеус заплатил тебе? Ты играешь с огнем, девица.

– Заплатил!

Я рванулась к прилавку, отперла ящичек в самом низу, достала маленькую шкатулку и вынула оттуда один небольшой камешек:

– Этим.

На моей ладони лежал превосходный рубин и этот факт, кажется, основательно обескуражил гостя.

– Рубины? У Олеуса?

– Мне кажется, когда я была у Олеуса, у него был какой-то человек. Я его не видела, но за шторкой – ну Вы знаете, там есть такая полотняная занавеска... Так вот, там кто-то был!

Последний довод направил мысли незнакомца в нужном направлении. Он бросил мне в руки рубин, развернулся и пошел к двери. И уже стоя там, он обернулся и ровно сказал:

– Если я ничего не найду – я вернусь. И ты понимаешь, что тогда будет.

И вышел вон.

А я без сил упала на стул и застонала.

Полночи я подсчитывала свои сбережения и строила планы. Большую часть бывших при мне золотых монет и рубинов я истратила на покупку и отделку дома, а также закупку материала для золотошвейной мастерской, в том числе и того товара, что прибыл на днях из далеких южных стран. Так что на руках у меня оставалось всего четыре дукатика и единственный рубин. На такие деньги особо не разгуляешься. Продать лавку не получится – это все равно что возвестить своим недоброжелателям, что я собираюсь сбежать... Ах да, я и вправду надумывала бежать. Но по здравом размышлении выходило, что у меня это не получится. Во-первых, бежать стоило только очень далеко. На проезд денег мне возможно бы и хватило, а вот на обустройство на новом месте – наверняка нет. Бросать нажитое очень не хотелось, тем более, что вложено сюда было много труда. Во-вторых, проверять угрозы Валдеса на осуществимость очень не хотелось. Он и его псы быстро меня догонят, поскольку следовало принять во внимание мою неприспособленность как путешественника. Для начала мне нужна была лошадь, а ее требовалось купить. Мало того, что в лошадях я совершенно не разбиралась (и мне вполне могли всучить снудую доходягу), так еще и ездить верхом могла с превеликим трудом. К тому же я редко выезжала за пределы Вельма и не слишком хорошо знала его окрестности, а это означало, что мне придется расспрашивать дорогу или ехать наобум, рискуя застрять в каком-нибудь овраге. И пока я буду из него выбираться, сыскари наверняка меня нагонят... Нет, это не выход. Единственным моим шансом мог стать корабль, отправляющийся на днях куда-нибудь очень далеко – тогда я могла бы улизнуть из-под ока Имперского Сыска. Тем самым я сбегу и от странного стриженного господина, которому нужен был жезл. В том, что он вернется, сомневаться не приходилось, и как он поступит дальше? Будет снисходителен к моему вранью? Сомневаюсь. Когда он начнет допытываться, где жезл, я, разумеется, скажу, что отдала его Ленни. Однако поверит ли он мне в следующий раз? И что будет со мной?

Как ни странно, но последнего посетителя я испугалась куда больше, чем даже Валдеса. У опекуна Угго была мерзкая привычка глумиться над другими, но была в нем помимо жестокости и некая странная привлекательность, как привлекает нас хищник, безжалостно преследующий свою добычу. Я ненавидела его и боялась, ибо и была той добычей, но вполне понимала его образ мыслей и даже надеялась как-нибудь найти к нему подход. А вот последний гость был другим. Этот был стервятником. Ему безразличен азарт охоты, он подождет сколько нужно и удовольствуется мертвечинкой. А я не желала становиться чьим-то легким завтраком. И даже плотным, сытным обедом.

Можно было бы, конечно, пожаловаться «опекуну Угго», что некто через меня копает под него, но для этого нужно было хотя бы знать имя моего последнего гостя. А я о нем абсолютно ничего не знала. И, боюсь, даже во спасение собственной жизни, знать не хотела. К тому же, рассказав о госте Валдесу, я буду вынуждена рассказать и о реликтах. А вот этого делать совсем не стоило. Нет, лучше уж молчать.

Наутро я отправилась в порт. В это время года не многие моряки рисковали выходить в море – из-за ледяных зимних ветров, дующих за пределами Империи, переход в теплые южные моря был слишком опасен. В бухтах Дарвазеи было раздолье только легким рыбацким кораб-

ликам и лодчонкам, спокойно промысляющих в водах теплого течения и не собирающихся выходить за его пределы.

Сегодня в порту стояло целых два корабля. Один из них, гордый трехмачтовик, только прибыл из Усафы (это на нем привезли мои ленты и шелка) и назад в южные воды собирался не раньше, чем через месяц, когда погода слегка переменится. Что для моих близлежащих целей, разумеется, не годилось. А вот второй, двухмачтовый чужак со стягами сине-зеленого цвета и уродливой головой какого-то морского чудовища на носу, застаиваться в порту Вельма был не намерен... Да как он вообще здесь оказался в такое время? Я прошлась вдоль его борта, разглядывая неспешно снующих моряков слишком нездешней внешности – черноволосых, длинноносых, с узкими глазами, длинными висячими усами, украшенными колокольчиками, и с нездешним гортанным говором. Нет, с такими головорезами отправляться в никуда я пока еще не готова. Для этого положение должно стать совсем отчаянным. Впрочем, очень скоро может так и стать...

– Выбираешь корыто себе под стать?

От неожиданности я подпрыгнула. Несмотря на задиристый тон сказанного, Валдес смотрел на меня жестко и холодно, а пальцы его вцепились в мою руку железными клещами.

Отнюдь не легкокрылый ветерок играл полами распахнутой широкой темно-красной накидки, подбитой темным гладким мехом, и ласкал тяжелую цепь с эмалевыми вставками, лежащую на груди мужчины. На голове Главенствующего мага Имперского сыска красовался роскошный бархатный берет с пышным пером.

– Что ты здесь высматривала?

Несколько секунд я хватала ртом воздух, пока ко мне не вернулась практичность и сообразительность:

– Что Вы, опекун Угго, и не думала ничего высматривать! Я ищу купца, который привез мой товар из Усафы. Мне кажется, он недодал один рулон голубого шелка, а голубой шелк, если Вам известно, в будущем сезоне наверняка будет фаворитом. И если я не получу свой шелк, а он продал его другой мастерице, это будет ужасно. Я ведь заплатила за него еще летом. Но этот пройдоха Сотевус мог просто сплавить его кому-нибудь еще. И что же получается? Что я зря платила такие неслыханные деньги за ветер? Ну уж нет, опекун Угго, такого безобразия я не потерплю! Хотя с другой стороны очень даже может быть, что Сотевус вовсе не виноват, но где тогда искать правду?

Создатель, и когда это я только выучилась так гладко лгать? Сама себе не верю! Я тараторила с таким воодушевлением, потому что точно знала: подобная бабья болтливость любого мужчину заставит скривиться и сбежать на другой конец порта!

Но Валдес и бровью не повел. Еще несколько долгих секунд он смотрел на меня непроницаемым взглядом, выставив вперед мощный подбородок, затем поиграл губами, коротко кивнул, театрально взмахнув пером на берете, и отправился дальше по своим делам в окружении, как только теперь я смогла заметить, Пехеба и десятка молодцев в ладных черных мундирах с бляхами сыскарей.

Я могла бы перевести дух и поздравить себя с успехом, если бы не взгляд, брошенный на меня напоследок Пехебом. Он не поверил ни единому моему слову.

Интересно, чей это корабль и почему им так интересовался Главенствующий маг Имперского сыска? Матросы с побрякивающими на усах колокольчиками равнодушно проводили кортеж Валдеса незаинтересованными взглядами, а вот на меня некоторые из загорелых здорвяков уставились отнюдь не равнодушно. Пришлось поспешно отвернуться, чтобы якобы не заметить весьма двусмысленные жесты, которыми привлекали мое внимание матросы. И тогда мой взгляд упал на другой корабль. Тогда-то я и поняла, что внимание Валдеса привлек не двухмачтовый уродец с усами разбойниками, а красавец-трехмачтовик, прибывший из

Усафы. Именно около него на берегу стояла и смотрела вслед ушедшим сыскарям кучка матросов, а хмурый капитан озабоченно драл свою роскошную бороду, даже не замечая этого.

После полудня погода внезапно испортилась и на город налетел неожиданный шторм.

Само собой разумеется, шторм для портового города не редкость. Но не для Вельма в послежердасовский месяц. Обычно это было самое спокойное, тихое и благополучное время в году. Однако необычный Йердас потянул за собой и необычную погоду – как и предсказывали пессимисты.

Шторм бушевал до вечера, срывая с небес тучи и швыряя их на город. Дождевые капли, нет, струи, скакали вверх-вниз, с размаху бились о стены, крыши и мостовые, бестолково мельтешили в свете колышущихся фонарей. Ветер подвывал и носился между домами, как волк, запертый в клетку. Гул бушующего моря слышался издалека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.